

Оглавление

ПРАВО

Юдин А.В. Вопросы распределения судебных расходов по делам о защите интеллектуальных прав 2

Ипполитов С.С. Международное частное право и правовая система России: проблемы изучения 14

ЭКОНОМИКА

Петров Е.Н. Опыт национализации экономики развивающихся стран Африки и возможность использования этих результатов в России 32

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Аракелова А.О., Золотов Г.Б. Создание евразийской цифровой IP-системы 42

Аракелова А.О. Стратегические цели, задачи и направления развития интеллектуальной собственности на евразийском пространстве 56

Трибуна молодых ученых

Ливитский С.В. Особенности ноу-хау как объекта интеллектуальной собственности и подходы к его коммерциализации 67

Раздел: ПРАВО

Научная статья
УДК 347.92

Вопросы распределения судебных расходов по делам о защите интеллектуальных прав

Андрей Владимирович Юдин^{1, 2, 3}

¹ Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия, профессор кафедры Гражданского и арбитражного процесса,

² Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия, заведующий кафедрой Гражданского процессуального и предпринимательского права

³ Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, профессор кафедры Арбитражного процесса, Доктор юридических наук, профессор, yudin77@ssau.ru

Аннотация. Процессуальное законодательство в сфере цивилистического процесса признает право на возмещение судебных расходов за стороной, в пользу которой состоялось решение суда, что является аксиоматичным. В этом проявляется действие известного принципа возмещения расходов «правой стороне за счет неправой», однако указанный принцип обнаруживает все больше и больше исключений. К общему правилу добавляется принцип, основанный на учете вины ответчика в «причинении процесса». Также обнаруживаются зеркальные ситуации отсутствия вины истца в частичном удовлетворении исковых требований, влекущем уменьшение причитающихся ему судебных расходов и (или) взыскание судебных расходов с истца в пользу ответчика. Обширное поле для применения отмеченного правила составляют дела о защите интеллектуальных прав, по которым наблюдается как качественная (с позиций принципов распределения расходов), так и количественная трансформация правил, касающихся судебных расходов.

«Отсутствие вины» истца в частичном удовлетворении исковых требований оказывается порождено объективным несоответствием между состоянием спорных материальных правоотношений и результатом процесса. Автор приходит к выводу, что общим принципом распределения судебных расходов выступает установленный в процессуальном законодательстве принцип возмещения судебных расходов «правой стороне за счет неправой», который обнаруживает свою недостаточность, в частности, по делам о защите интеллектуальных прав. Следовательно, в субсидиарном порядке должен применяться принцип возмещения судебных расходов на основе определения «виновности» сторон в возникновении процесса и обусловленном этим фактором результате процесса.

Ключевые слова: судебные расходы, издержки, связанные с рассмотрением дела, распределение судебных расходов, взыскание судебных расходов, «причинение» процесса, судебные расходы как убытки, судебные расходы и вина.

Финансирование: статья подготовлена в рамках НИР «Совершенствование судебной защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации и ее гармонизация с аналогичными системами стран-участниц ЕАЭС» (3-ГЗ-2023).

Для цитирования: Юдин А.В. Вопросы распределения судебных расходов по делам о защите интеллектуальных прав // IP: теория и практика. 2023. № 3. С. 2–13.

Original article

Issues of distribution of court costs in cases of intellectual property rights protection

Andrei V. Yudin^{1, 2, 3}

¹ Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia,
Professor of the Department of Civil and Arbitration Process

² Samara National Research University, Samara, Russia,
Head of the Department of Civil Procedural and Business Law, Faculty of Law

³ Saratov State Law Academy, Saratov, Russia,
Professor of the Arbitration Process Department,
Doctor of Law, Professor,
yudin77@ssau.ru

Abstract. Procedural legislation in the field of civil procedure recognizes the right to reimbursement of court costs for the party in whose favor the court decision was made, which is axiomatic. This shows the effect of the well-known principle of reimbursement of expenses "to the right side at the expense of the wrong", however, this principle reveals more and more exceptions. The general rule is mixed with the principle based on taking into account the defendant's guilt in "causing the process". Along with similar situations, mirror situations of the absence of the plaintiff's guilt in the partial satisfaction of the claims, entailing a reduction in the court costs due to him and (or) the recovery of court costs from the plaintiff in favor of the defendant. An extensive field for the application of this rule is made up of cases on the protection of intellectual rights, for which there is both a qualitative (from the standpoint of the principles of cost allocation) and a quantitative transformation of the rules concerning court costs. The "absence of guilt" of the plaintiff in the partial satisfaction of the claims is generated by an objective discrepancy between the state of the disputed material legal relations and the result of the process. The author comes to the conclusion that the general principle of distribution of court costs is the principle of reimbursement of court costs established in procedural legislation "to the right side at the expense of the wrong", but it reveals its insufficiency, in particular, in cases of intellectual property rights protection. Consequently, the principle of reimbursement of court costs should be applied on a subsidiary basis on the basis of determining the "guilt" of the parties in the occurrence of the process and the result of the process caused by this factor.

Key words: court costs, costs associated with the consideration of the case, distribution of court costs, recovery of court costs, "causing" the process, court costs as losses, court costs and guilt.

Funding: the paper was prepared as part of the research work "Improving the judicial protection of intellectual property rights in the Russian Federation and its harmonization with similar systems of the EAEU member countries" (3-GZ-2023).

For citation: Yudin A.V. Issues of distribution of court costs in cases of intellectual property rights protection // IP: theory and practice. 2023. No. 3. P. 2–13.

Введение

Реалии судебной практики свидетельствуют о том, что незыблемое правило распределения судебных расходов «правой стороне за счет неправой» обнаруживает все больше и больше исключений. Как известно, процессуальные нормы признают право на возмещение судебных расходов за стороной, в пользу которой состоялось решение суда (ч. 1 ст. 98 Гражданского процессуального кодекса РФ; далее – ГПК РФ, ч. 1 ст. 111 Кодекса административного судопроизводства РФ; далее – КАС РФ) или за лицом,

в пользу которого принят судебный акт (ч. 1 ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса; далее – АПК РФ). Профессор Е.В. Васьковский замечал, что «в процессе, как и на войне, контрибуция взимается с того, кто побежден» [1, с. 368].

Все чаще к правилам возмещения судебных расходов примешивается принцип, основанный на учете вины ответчика в «причинении процесса». Проявления данного принципа встречаются как в процессуальном законе, так и в правовых позициях судебной практики.

Так, на основании ч. 1 ст. 101 ГПК РФ, ч. 1 ст. 113 КАС РФ, если истец (административный истец) не поддерживает свои исковые требования (административные исковые требования) вследствие добровольного удовлетворения их ответчиком (административным ответчиком), имевшим место после предъявления иска (административного иска), все понесенные истцом (административным истцом) по делу судебные расходы взыскиваются с ответчика (административного ответчика).

В наиболее общей форме данное правило нашло закрепление в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (далее – Постановление № 1): «Не подлежат распределению между лицами, участвующими в деле, издержки, понесенные в связи с рассмотрением требований, удовлетворение которых не обусловлено установлением фактов нарушения или оспаривания прав истца ответчиком, административным ответчиком». Проиллюстрировано данное правило примером иска о расторжении брака при наличии взаимного согласия на это супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей. В последнем случае действительно сложно понять, кто прав, а кто виноват, но, вероятнее всего, мы имеем дело с ошибочным выбором процессуальной формы для рассмотрения такого рода дел. Как известно, в бесспорных делах особого производства издержки, по общему правилу, возмещению не подлежат (п. 18 Постановления № 1), и, вероятнее всего, подобная процессуальная форма в наибольшей степени отвечала бы характеру рассматриваемого дела.

Наряду с ситуациями отсутствия вины ответчика в «причинении процесса», обуславливающими отступление от принципа пропорционального (сообразно размеру удовлетворенных исковых требований) возмещения судебных расходов [2, с. 60–72], целесообразно рассмотреть *зеркальные ситуации отсутствия вины истца в частичном удовлетворении исковых требований, влекущем уменьшение причитающихся ему судебных расходов и (или) взыскание судебных расходов с истца в пользу ответчика.*

Методы

Исследование основывается на нормативно-научных, логических и системно-структурных методах.

Основное исследование

Обширное поле для применения отмеченного правила составляют *дела о защите интеллектуальных прав*, по итогам анализа которых необходимо определить внутренние основания для закрепления подобного правила, и решить, можно ли придать ему характер общей нормы закона (напомним, что в настоящее время в законодательстве оно отсутствует). Более того, по делам о защите интеллектуальных прав можно наблюдать как качественную (с позиций принципов распределения расходов), так и количественную трансформацию правил о судебных расходах (с позиций определения состава судебных расходов). За последнее время орган конституционного правосудия дважды обратился к проблематике распределения судебных расходов по делам о защите интеллектуальных прав.

Так, Постановлением Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) от 28.10.2021 № 46-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Студия анимационного кино «Мельница»¹ норма, регламентирующая распределение судебных расходов в арбитражном процессе (ч. 1 ст. 110 АПК РФ), была истолкована как не предполагающая «взыскания с правообладателя исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности судебных расходов, понесенных нарушителем таких прав, в случае, когда, установив нарушение исключительных прав и удовлетворяя требования правообладателя о выплате ему компенсации за их нарушение, заявленные в минимальном размере, предусмотренном законом для соответствующего нарушения, арбитражный суд принимает решение о снижении размера компенсации».

По делу, находящемуся в производстве арбитражных судов, суды учли характер нарушения исключительных прав (правонарушение было допущено впервые), невысокую стоимость товара, реализованного ответчиком, нахождение у него на иждивении несовершеннолетнего ребенка-инвалида, и снизили размер компенсации до 2500 рублей за каждое нарушение, тогда как заявитель требовал взыскать 10 000 рублей за каждое нарушение. В итоге общий размер компенсации за нарушение исключительных прав заявителя составил 20 000 рублей вместо требуемых им 80 000 рублей. При этом ответчик был признан нарушителем исключительных прав. Соответственно, размер

¹ Собрание законодательства РФ. 08.11.2021. № 45. Ст. 7616.

взысканных судебных расходов был уменьшен пропорционально размеру удовлетворенных требований.

Продемонстрированный арбитражными судами подход являлся формально безупречным – исковые требования были удовлетворены частично, что влечет пропорциональное распределение судебных расходов. Ссылки заявителя на то, что суд признал ответчика нарушителем исключительного права на объекты интеллектуальной собственности, и что истец фактически являлся выигравшей стороной в споре, выглядели достаточно слабо.

Ощущение несправедливости данной ситуации становится еще более контрастным в силу двух обстоятельств.

Во-первых, ответчик обратился в суд и взыскал с истца понесенные им расходы на оплату услуг представителя, транспортные расходы и расходы, связанные с участием в апелляционном производстве, что нивелировало для истца даже минимальный эффект от выигрыша дела.

Во-вторых, истец изначально обращался в суд с требованием о взыскании *минимального* размера компенсации, предусмотренного законом. Можно только предполагать, как должен поступить в таких случаях потенциальный потерпевший от нарушения его исключительных прав с тем, чтобы избежать в последующем возможного взыскания судебных расходов: вообще не заявлять имущественных требований? заявить их в размере «ниже низшего предела» и т.п.?

Интересно заметить, что данная ситуация, разрешенная КС РФ, идейно оказалась порождена предшествующими актами органа конституционного правосудия. Так, Постановлением КС РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края»² было признано право суда «определить с учетом фактических обстоятельств конкретного дела общий размер компенсации ниже минимального предела, установленного данными законоположениями, если размер подлежащей выплате компенсации, исчисленной по установленным данными законоположениями правилам с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (притом что эти убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые

² Собрание законодательства РФ. 26.12.2016. № 52 (Часть V). Ст. 7729.

принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер». Аналогичное право было признано за судом в Постановлении КС РФ от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда»³.

В обоснование принятого решения КС РФ апеллировал к тому, что «решение арбитражного суда о снижении размера компенсации <...> как по основаниям его принятия, так и по вызываемым юридическим последствиям не может отождествляться с частичным удовлетворением исковых требований, обусловленным отсутствием (недоказанностью) надлежащих оснований для их признания судом полностью обоснованными»; «принятие соответствующего судебного акта фактически означает доказанность нарушения исключительных прав правообладателя, а снижение размера подлежащей выплате компенсации обуславливается не неправомерностью (чрезмерностью) заявленного им ее минимального размера, а наличием оснований для использования особого правомочия арбитражного суда, обусловленных не избыточностью исковых требований, а необходимостью <...> соблюдения конституционных принципов справедливости, равенства и соразмерности при применении данной штрафной санкции».

Приведенные суждения, безусловно, верны по существу, но являются лишь частными случаями некоего общего принципа распределения судебных расходов, который, в силу связанности органа конституционного правосудия пределами проверки и обстоятельствами конкретного дела, сформулирован в постановлении не был.

Отправной точкой для выработки подобного универсального правила могло бы послужить парадоксальное суждение о том, что *не всегда удовлетворение либо отказ в удовлетворении исковых требований, как критерий для возмещения судебных расходов, релевантны правоте стороны в спорных материальных правоотношениях*. Иными словами, *существует некое объективное несоответствие между состоянием материально-правовых отношений и их процессуальным отображением*. Сказанное можно проиллюстрировать примером, содержащимся в п. 26 Постановления № 1⁴, когда ответчик добровольно удовлетворяет исковые требования истца после обращения последнего в суд, однако истец не отказывается от иска, и по делу принимается отрицательное для него решение. В этом случае,

³ Собрание законодательства РФ. 10.08.2020. № 32. Ст. 5362.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4.

несмотря на формальный проигрыш дела, истец может претендовать на возмещение судебных издержек.

Нельзя не видеть, что критерий результата процесса для ряда ситуаций выступает чрезмерно формализованным и не может служить справедливым мерилom возмещения судебных расходов. Так, неслучайно сторонам предоставлено право при заключении мирового соглашения, которое фактически означает отказ сторон от продолжения процесса, и, как следствие, отказ от процессуальных формальностей, самостоятельно разрешить вопрос о судебных расходах (ч. 4 ст. 153.9 ГПК РФ, ч. 2.2 ст. 140 АПК РФ).

«Отсутствие вины» истца в частичном удовлетворении исковых требований, порожденное отмеченным выше объективным несоответствием между состоянием спорных материальных правоотношений и результатом процесса, может быть вызвано следующими факторами.

1. Неравнозначность заявленных истцом требований. В приведенном выше Постановлении КС РФ истец ссылался на то, что было удовлетворено его «главное» требование, в результате чего ответчик был признан нарушителем исключительного права. Остальные требования, которые были удовлетворены частично, носили производный характер от основного, их судьба зависела от результата рассмотрения основного требования, однако правовые основания для неучета их при разрешении вопроса о распределении судебных расходов, отсутствовали.

Как известно, процессуальное законодательство не ранжирует требования, исходящие от одного лица, по их значимости и взаимозависимости. Вряд ли построение подобной иерархии необходимо и возможно с позиций закона. Однако это не препятствует суду при разрешении вопроса о расходах обратиться к подобной мотивировке.

В приведенном примере истец с позиций главного требования выступил победителем, а с позиций производных, зависимых требований – оказался проигравшим.

2. Широкий диапазон возможных требований к заявлению в ситуации неопределенности выбора какого-либо конкретного требования. Возможность заявления истцом различных требований для защиты одних и тех же прав вполне возможна. Как отмечается применительно к сфере защиты интеллектуальных прав, «правообладатель может обратиться с одним или с несколькими требованиями одновременно... Невозможно лишь сочетание таких способов защиты, как требование об уплате компенсации и требование о возмещении убытков – правообладатель может воспользоваться лишь одним из них» [3, с. 441].

В такой ситуации требовать от истца фактически «угадать», какие из требований и в каком размере окажутся удовлетворены судом, было бы явно неразумно, поскольку сковало бы его в выборе способов защиты; заставляло бы просчитывать за ответчика его возможные защитительные ресурсы; посягало бы на принцип полного возмещения вреда лицом, причинившим вред; в конечном итоге, делало бы процесс дисфункциональным, поскольку истец был бы озадачен поиском такого требования, в ответ на которое суд мог бы постановить только идентичное решение и такого требования, против которого ответчик либо вообще не имел никаких возражений либо такие возражения были явно несостоятельны. Все это посягало бы на состязательность процесса, на доступность судебной защиты и само право на судебную защиту.

3. Обстоятельства, относящиеся к личности нарушителя права. Данный фактор – есть частный случай подыскания истцом доводов за противоположную сторону. Явно, что истец не может и не должен при заявлении исковых требований, служащих впоследствии мерилom определения судебных расходов, учитывать данные обстоятельства, о которых он вообще может и не знать. Вполне разумно, что неудовлетворение исковых требований в полном объеме в связи с указанными причинами, и риск несения судебных расходов должно относиться на сторону ответчика.

Все перечисленные факторы свидетельствуют в пользу деформализации существующего правила распределения судебных расходов. К настоящему времени число подобных «исключений из правил» о пропорциональном распределении судебных расходов для истца настолько велико, что могло бы претендовать на роль самостоятельного правила. Так, например, в п. 68 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»⁵ разъяснено, что правила о пропорциональном распределении судебных издержек при рассмотрении данной категории дел применению не подлежат. В абзаце 3 п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации»⁶ дается следующая рекомендация: «Если размер заявленной неустойки снижен арбитражным судом по правилам статьи 333 ГК РФ на основании заявления ответчика, расходы истца по государственной пошлине не возвращаются в части сниженной суммы из бюджета и подлежат возмещению ответчиком исходя из суммы неустойки, которая подлежала бы взысканию без учета ее снижения».

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

⁶ Вестник ВАС РФ. 2012. № 2.

Заключение

Можно прийти к выводу, что общим принципом распределения судебных расходов выступает установленный в процессуальном законодательстве принцип возмещения судебных расходов «правой стороне за счет неправой», однако он обнаруживает свою недостаточность, в частности, по делам о защите интеллектуальных прав. Следовательно, в субсидиарном порядке должен применяться принцип возмещения судебных расходов на основе определения «виновности» сторон в возникновении процесса и обусловленном результате процесса. Презюмируется, что проигравшая дело сторона – это и есть сторона, «причинившая» судебные расходы другой стороне, однако такая презумпция может быть опровергнута. Лицо, присуждаемое к возмещению судебных расходов (истец, требования которого были удовлетворены лишь частично, либо ответчик, требования к которому были удовлетворены), не лишается права доказывать отсутствие своей вины.

Указанный принцип, по нашему мнению, должен найти закрепление в законе наряду с уже существующим там общим принципом распределения судебных расходов, иначе его применение строится только на позициях судебной практики.

Установление описанного субсидиарного принципа распределения судебных расходов способно вдохнуть новую жизнь в дискуссию относительно порядка взыскания судебных расходов. Как известно, процессуальное законодательство в этой части восприняло позиции высших судебных инстанций, исходивших из необходимости взыскания расходов как особого рода денежных сумм в специальном процессуальном порядке (ст. 103.1 ГПК РФ, ст. 112 АПК РФ), но не в качестве убытков, взыскиваемых в порядке искового производства. КС РФ напротив проводит последовательную линию на позиционирование судебных расходов как убытков, взыскиваемых по ст. 15 ГК РФ⁷. Можно предположить, что распределение судебных расходов на основании принципа вины, в исключение из общих правил, может подразумевать разрешение вопросов и установление обстоятельств, для которых состязательная форма процесса подходила бы в большей степени, чем форма, предусмотренная для решения процессуального вопроса.

Однако переоценка принципа распределения судебных расходов с учетом вины также нежелательна. Например, в науке известна позиция, состоящая в определении судебных расходов как элемента гражданской процессуальной ответственности. Ее автор определяет любое присуждение судебных расходов

⁷ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2002 № 22-О «По жалобе открытого акционерного общества «Большевик» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации», и др.

как акт привлечения к ответственности, увязывая его с необходимостью обращения в суд и вынужденным несением расходов [4].

Если экстраполировать данный подход на рассмотренные нами ситуации, то можно было бы сказать, что частичное удовлетворение исковых требований не «по вине истца» и признанное за ним право не оплачивать судебные расходы противной стороны, явилось бы своего рода актом освобождения от ответственности. Однако не стоит отождествлять любой акт распределения судебных расходов с актом привлечения/освобождения от гражданско-правовой ответственности. Судебные расходы имеют компенсаторный характер, и гибкая система оснований-принципов их распределения позволяла бы учитывать индивидуальные особенности спора с тем, чтобы истец (как в приведенном примере), поступающий правомерно и не заявивший никаких избыточных требований, и фактически выигравший дело о защите интеллектуальных прав, не оказался бы присужден к несению судебных расходов.

В завершение заметим, что деформализация правил распределения судебных расходов демонстрирует тенденцию не только к корректировке правил их распределения, но и к корректировке самого состава судебных расходов. Так, Постановлением КС РФ от 10.01.2023 № 1-П «По делу о проверке конституционности статьи 15 и пункта 2 статьи 1248 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 106 и части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «НИКА-ПЕТРОТЭК»⁸ были признаны не соответствующими Конституции РФ положения АПК РФ и ГК РФ «в той мере, в какой они препятствуют возмещению лицу, участвующему в деле об оспаривании решения Федеральной службы по интеллектуальной собственности, расходов, ранее понесенных им в связи с рассмотрением этим государственным органом возражения против выдачи патента на изобретение, притом что в системе действующего правового регулирования какой-либо механизм эффективной защиты права на возмещение таких расходов отсутствует». Фактически речь идет о том, что в состав судебных расходов оказались включены расходы, понесенные стороной в ходе административного разбирательства, имевшие место до возбуждения арбитражного судопроизводства. Мотивировка этого сводилась к тому, что хотя данные «процедуры и являются этапами единого, нормативно предопределенного процесса защиты интеллектуальных прав, формально как предмет административного разбирательства в Роспатенте и последующего

⁸ Собрание законодательства РФ. 23.01.2023. № 4. Ст. 696.

судебного разбирательства, так и процессуальный статус участников таких разбирательств не вполне совпадают».

При всей значимости защиты прав лиц путем возмещения расходов, понесенных при административном разбирательстве, данный подход может привести к распространению режима возмещения *судебных* расходов на все формы предшествующего *административного* производства, что будет противоречить назначению института судебных расходов как института процессуального права. Возникшее правовое положение скорее есть следствие отсутствия общего института возмещения расходов, понесенных в административном производстве.

Список источников

1. Васьковкий Е.В. Учебник гражданского процесса / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало. 2003. 441 с.
2. Юдин А.В. Распределение судебных расходов при отсутствии вины ответчика в «причинении процесса» // Закон. 2016. № 4. С. 60–72.
3. Право интеллектуальной собственности: учебник / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.А. Новоселовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. 492 с.
4. Столяров А.Г. Судебные расходы как элемент состава гражданской процессуальной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. – СПб., 2004. 16 с.

References

1. Vas'kovkii E.V. *Uchebnik grazhdanskogo protsesssa = Textbook of civil procedure* / Ed. and with preface. V.A. Tomsinov. Moscow: *Zertsalo Publ.* 2003. 441 p. (in Russ.).
2. Yudin A.V. Distribution of court costs in the absence of the defendant's fault in "causing the process". *Zakon.* 2016. No. 4. P. 60–72 (in Russ.).
3. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti = Intellectual property law: textbook* / ed. ed. Dr. jurid. sciences, prof. L.A. Novoselova. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: *Statut Publ.* 2023. 492 p. (in Russ.).
4. Stolyarov A.G. *Sudebnye raskhody kak element sostava grazhdanskoi protsessual'noi otvetstvennosti = Court costs as an element of civil procedural liability*: author. Ph.D in Law: 12.00.15. SPb., 2004. 16 p. (in Russ.).

Статья поступила 14.07.2023, принята к публикации: 17.07.2023.

© Юдин А.В., 2023

Раздел: ПРАВО

Научная статья
УДК: 341.9

Международное частное право и правовая система России: проблемы изучения (1991–2023 гг.)

Сергей Сергеевич Ипполитов^{1, 2, 3}

¹ Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, Москва, Россия, главный научный сотрудник

² Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия, зам. директора Международного центра компетенций «АйПи»

³ Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Государственный научно-исследовательский институт реставрации», Москва, Россия, Доктор исторических наук, ninvestnik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3564-4271>

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли международного частного права в правовой системе Российской Федерации. Геополитические изменения, затронувшие все сферы общественной жизни подавляющего большинства государств планеты, сопровождаются существенными правовыми трансформациями. Незаконные экономические рестрикции и ограничения в отношении целого ряда независимых государств, и Российской Федерации – в том числе, именуемые рядом зарубежных правительств «санкциями»; внесудебные репрессии против российских и иных физических и юридических лиц на территориях ряда стран; конфискация имущества, одностороннее расторжение гражданско-правовых, коммерческих и международных договоров в парадигме «санкционного давления» неизбежно требуют адекватного правового ответа от национальных правительств.

Ключевые слова: международное частное право, трансграничные правоотношения, интернет-право, правовые институты, брачное право, санкции, иностранный элемент, киберправо.

Финансирование: статья подготовлена в рамках НИР «Концепция автономной кодификации в проблематике реформирования международного частного права» (4-ГЗ-2022).

Для цитирования: Ипполитов С.С. Международное частное право и правовая система России: проблемы изучения (1991–2023 гг.) // IP: теория и практика. 2023. № 3. С. 14–31.

Original article

International private law and the Russian legal system: problems of study (1991–2023)

Sergey S. Ippolitov^{1, 2, 3}

¹ Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage
named after D.S. Likhachev, Moscow, Russia,
Chief Researcher

² Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia,
Deputy Director of the International Competence Center "IP"

³ Federal State Budgetary Research Institution
"State Research Institute of Restoration", Moscow, Russia,
Doctor of Historical Sciences,
nivestnik@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3564-4271>

Abstract. The article is devoted to the study of the role of private international law in the legal system of the Russian Federation. The geopolitical changes that have affected all spheres of public life of the vast majority of the world's states are accompanied by significant legal transformations. Illegal economic restrictions and restrictions against a number of independent states and the Russian Federation, including those referred to by a number of foreign governments as "sanctions"; extrajudicial repressions against Russian and other individuals and legal entities on the territories of a number of countries; confiscation of property, unilateral termination of civil, commercial and international agreements in the paradigm of "sanctions pressure" inevitably require an adequate legal response from national governments.

Key words: private international law, cross-border legal relations, Internet law, legal institutions, marriage law, sanctions, foreign element, cyber law.

Funding: the paper was prepared as part of the research work "The Concept of Autonomous Codification in the Issues of Reforming International Private Law" (4-GZ-2022).

For citation: Ippolitov S.S. International private law and the Russian legal system: problems of study (1991–2023) // IP: theory and practice. 2023. No. 3. P. 14–31.

Введение

Исследование роли и значения международного частного права в правовой системе Российской Федерации (далее – РФ) приобрело на современном этапе неоспоримую актуальность. Масштабные геополитические изменения, затронувшие все сферы общественной жизни подавляющего большинства государств планеты, сопровождаются существенными правовыми трансформациями. Международные правовые институты, созданные после Второй мировой войны, демонстрируют в последнее десятилетие неуклонную деградацию. Использование международной правовой системы в качестве инструмента давления на неугодные страны и правительства; манипулирование и расширенное толкование правовых норм, позволяющие подстраивать международные институты под нужды узкой группы государств; намеренное искажение гуманитарного наполнения международного права, сделавшее возможным появление в общественном дискурсе оксюморона «гуманитарная интервенция» и «гуманитарные бомбардировки»¹ – эти и целый ряд подобных причин ставят перед суверенными правительствами неизбежный вопрос о допустимой степени интеграции национальных и международных правовых систем.

Параллельно возрастает роль трансграничных гражданско-правовых отношений, регулируемых международным частным правом. Речь идет о широком распространении цифровых технологий в сфере использования результатов интеллектуальной деятельности, защиты авторских прав, внедрения технологий блокчейна в сферу финансового рынка и творческих индустрий. Новая цифровая реальность требует от российского законодателя быстрого реагирования на стремительно меняющийся международный правовой ландшафт в контексте адаптации национального законодательства и защиты прав граждан и бизнеса, государственных интересов РФ.

¹ Из статьи экс-президента Чехии Вацлава Гавела в газете Le Monde от 29 апреля 1999 г.: «Я думаю, что во вторжении НАТО в Косово имеется элемент, в котором никто не может сомневаться: воздушные атаки, бомбы не вызваны материальной заинтересованностью. Их характер – исключительно гуманитарный: главную роль играют принципы, права человека, которые имеют приоритет даже над государственным суверенитетом. Это делает вторжение в Федерацию Югославия законным даже без мандата ООН».

Основное исследование

Особенностью текущего момента в деле изучения роли и места международного частного права в правовой системе РФ является почти полное отсутствие научных трудов, которые отражали бы стремительно меняющуюся ситуацию на международной арене. Последствия слома устоявшихся правовых норм международного взаимодействия в экономике, политике, семейных правоотношениях, культуре, финансовых рынках пока не нашли отражения в специализированных научных исследованиях. Отечественная научная публицистика продолжает пребывать в привычной и комфортной парадигме «международного сотрудничества»; «кодификации международного частного права» в РФ; рецепции отечественным правом норм и требований «европейских партнеров», в то время как процесс демонтажа послевоенной международно-правовой системы продолжает стремительно нарастать.

Так, например, в открытом доступе удалось обнаружить только одну научную статью, авторы которой, размышляя о состоянии международно-правовых отношений в семейно-брачной сфере, заявили о деградации традиционных устоев и норм, отметив, что «в современных условиях происходит целенаправленная ликвидация традиционного брака, семьи, когда ювенальная юстиция и гомосексуальные пары просто охотятся за детьми, похищая их из семей, сформировалась субкультура child-free» [1].

Поскольку российская юридическая наука отстает от стремительно меняющейся международно-правовой ситуации, в складывающихся обстоятельствах перед отечественной юриспруденцией возникает неотложная задача по пересмотру устоявшихся подходов к изучению роли и места международного частного права в национальной правовой системе. Неизбежной становится ревизия актуальности привнесенных в российское законодательство норм международного права. Первостепенными направлениями исследований в этом направлении становятся нормы брачно-семейного права в контексте нарушения прав российских граждан в смешанных браках за рубежом; действий органов ювенальной юстиции в отношении детей российских граждан в ряде стран мира. Требуется углубленное исследование новых правовых реалий в области коммерческого права и выработка механизмов защиты российских юридических и физических лиц с опорой на суверенные правовые институты, и т.п.

Роль и место международного частного права в правовой системе РФ традиционно находится в центре внимания отечественных ученых. Постсоветский период, ознаменованный революционной трансформацией отечественной правовой системы и ее сближением – до 2014 г. включительно – с международным правом, потребовал переосмысления накопленных знаний и выработки

новых методологических подходов. Именно в этот период возник значительный пласт специальной литературы, посвященной изучению места международного частного права в правовой системе РФ; брачно-семейных правоотношений в РФ в сравнении с нормами международного частного права; правовых проблем при разрешении споров между государством и частным инвестором посредством международного арбитража в современном международном частном праве.

Особой приметой изучаемого периода стало появление исследований по влиянию процессов цифровизации на область международного частного права. В последние пять лет вопросам трансграничных правоотношений, возникающих на волне внедрения информационных технологий в торговлю, обмен информацией, защиту авторского права, использование результатов интеллектуальной деятельности было посвящено значительное количество специализированных трудов². В научный оборот впервые был введен термин «киберправо», отражающий все многообразие правовых взаимоотношений в цифровом измерении [2].

Вместе с тем проблема деградации международных правовых институций после 2014 г. остается малоизученной. Специализированных трудов, посвященных новой правовой реальности в контексте незаконных рестрикций в отношении РФ и ее союзников, обнаружить не удалось. В этой области возникли значительные исследовательские лакуны, требующие специальных научных трудов.

Несмотря на высокую степень изученности, подходы к исследованию проблемы международного частного права в РФ продолжают оставаться дискуссионными. Так, доминирующей на сегодня является научная позиция, предопределяющая международное частное право в качестве неотъемлемой части международного права, взаимодействующего с публичным правом в качестве «равнозначного и самостоятельного по структуре своего образования» [3, с. 66].

В соответствии с другой позицией международное частное право – суть комплекс правовых направлений, взаимодействующих с национальным и международным публичным правом.

В качестве третьей позиции следует назвать утверждение, что международное частное право – это искусственно выведенная правовая форма,

² Муратова О.В. Концепция транснационального потребительского права в современном мире // *Lex Russica*. 2019. № 7 (152); Козинец Н.В. Проблемы коллизионно-правового регулирования отношений, возникающих в сфере трансграничной электронной торговли // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2015. № 6; Казаченок С.Ю. Развитие *lex electronica* как предпосылка включения в арбитражное соглашение условия об онлайн-арбитраже // *Legal Concept*. 2014. № 4; Мажорина М.В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 1.

не имеющая «ядра системы», а состоящая из привнесенных алгоритмов и частей иных институтов права [3, с. 67].

Исследовательский консенсус по данной проблеме до сих пор отсутствует. Наиболее артикулируемой и обоснованной в специальной литературе следует назвать точку зрения на определение роли международного частного права в качестве отдельной, самостоятельной и независимой правовой ветви в системе национальных отраслей права. В данном контексте международное частное право должно пониматься как отрасль национального права, где государство самостоятельно формирует и принимает нормы, которые далее станут определять выбор правовой системы в случаях, когда гражданские отношения взаимодействуют с международными элементами и имеют международный характер [3, с. 68].

Достаточно типичным примером исследования, отражающим глобальную ситуацию «до 2014 года», является монография «Проблемы унификации международного частного права», изданная в 2012 г. [4]. Авторы этого труда констатировали существовавшие на тот момент времени мировые тенденции: углубление экономической интеграции, активизация международной торговли, нарастание объемов оборота товаров и услуг, усиление миграционных процессов, интенсификация электронных транзакций. Перечисленные тенденции насущно требовали расширения унификации международного частного права в вопросах несостоятельности, международных гарантий и обеспечения исполнения обязательств, электронной торговли через заключение многосторонних международных договоров [5]. Авторы делают вполне обоснованный на тот момент времени вывод о важности дальнейших действий РФ по присоединению к различным международным конвенциям.

Исследованию законодательных актов, содержащих коллизионные нормы в качестве характеристики этапа развития международного частного права РФ, посвящена статья И.П. Новохацкой. Автор подробно проанализировала негативный и позитивный опыт применения каждого вида кодификации; мировую практику в вопросах избрания формы закрепления коллизионных норм на уровне национальных законодательств [6, с. 161].

Автор называет три основных подхода к законодательному закреплению норм международного частного права на суверенном уровне: автономная кодификация; отраслевая кодификация; принятие нормативных актов, содержащих отдельные нормы международного частного права. При этом исследователь отмечает, что третий вариант был отвергнут всеми правовыми системами, в результате чего остались два вида кодификации: отраслевая и автономная [6, с. 162].

Исследователь подробно останавливается на перечне правовых актов, принятых в целях кодификации международного частного права в РФ. К таковым относятся раздел VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса РФ 2001 г.; раздел VII «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства» Семейного кодекса РФ 1995 г. (далее – СК РФ); глава 26 «Применимое право» Кодекса торгового мореплавания РФ 1999 г., раздел V Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ «Производство по делам с участием иностранных лиц», глава 33 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ «Особенности рассмотрения дел с участием иностранных лиц», а также отдельные национальные законы, которые содержат несколько коллизионных норм (например, Федеральный закон «О лизинге» 2002 г.) [6, с. 163].

Системное предложение о принятии в РФ специального закона о международном частном праве содержится в статье «Актуальные проблемы международного частного права». Оценивая актуальную ситуацию 2010 г. – года выхода статьи в свет – автор строит свои выводы, основываясь на благоприятных тенденциях развития мировой торговли в первом десятилетии двухтысячных годов, когда международное экономическое сотрудничество не вызывало каких-либо сомнений. Развитие процесса кодификации международного частного права в этом контексте представлялось неизбежным следствием и необходимой мерой укрепления взаимовыгодного сотрудничества [7, с. 116].

Автор отмечает появление так называемого международного экономического права как этапа унификации международного частного права в процессе обеспечения регулирования экономического сотрудничества между субъектами гражданского права различных государств [7, с. 118].

Пожалуй, одной из наиболее чувствительных областей международного частного права, где противоречивость и несогласованность национальных законодательств наиболее заметно отражается на судьбах граждан, является область брачно-семейных отношений. Нормирование семейных отношений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ осуществляется разделом VII СК РФ, положения которого справедливо критикуются современными исследователями [8–10]. Во многих работах отмечается их несоответствие современным потребностям в правовом регулировании семейных отношений с участием «иностранного элемента»; существенных лакун, требующих заполнения. Авторы заостряют внимание на новых видах брачно-семейных отношений, как, например, признание в РФ прав сторон законных в ряде стран полигамных браков; коллизии суррогатного

материнства, и т.п. Существенное усложнение имущественных и личных неимущественных прав и отношений членов семьи диктует необходимость унификации норм семейного права, а также учета новых тенденций в вопросах выбора применимого права и применения иностранного законодательства [11].

Критика действующих нормативных актов, регулирующих применение международного частного права, находится в центре внимания авторов диссертационных исследований последних лет. Так, авторы констатируют несовершенство раздела VII СК РФ, его несоответствие современным запросам по правовому регулированию семейных отношений с участием иностранцев и наличие существенных пробелов. Диссертации С.С. Сафроновой, Е.А. Криволаповой, С.А. Никогосян, Е.Ю. Хромовой посвящены регулированию трансграничных браков в международном частном праве; квалификационное исследование Т.А. Ермолаевой – имущественным правоотношениям супругов, имеющих различное гражданство; диссертация В.Г. Концевого – алиментным обязательствам в международном частном праве; О.Ю. Ситковой, К.Ю. Бородич, А.З. Дзугаевой, Е.Ю. Князевой – усыновлению детей – граждан РФ; Г.Ю. Федосеевой, Л.Г. Туктамышовой – брачно-семейным отношениям как объекту международного частного права.

В качестве наиболее частой претензии к СК РФ исследователями указывается тот факт, что кодексом не учтены экономические, социальные и политические преобразования, а также значительные изменения отраслевого законодательства, которые произошли в России за последние годы. В ряде работ поднимается вопрос о необходимости рекодификации семейного права в современных условиях. Так, для устранения существующих коллизий Е.П. Войтович предлагает дополнить ст. 161 СК РФ следующей нормой: «К брачному договору, соглашению о разделе общего имущества супругов, определяющему правовой режим недвижимого имущества, применяется право страны места нахождения недвижимого имущества» [11, с. 139].

Правовому регулированию применения брачного договора в России в контексте международного частного права посвящена статья Н.И. Марышевой и О.В. Муратовой. Исследователи отмечают, что в России все чаще возникает вопрос об отношениях, на которые распространяется выбор супругами подлежащего применению права. Избрание сторонами права допускается в РФ по поводу исключительно имущественных отношений, так как заключение брачного договора в соответствии со ст. 40 СК РФ предусмотрено только применительно к имущественным отношениям супругов. Выбор права в отношении личных неимущественных прав и обязанностей супругов российским законом не предусмотрен. Так, не предусмотрена возможность определения по соглашению супругов

законодательства, подлежащего применению к избранию рода занятий, профессии, мест пребывания и жительства супругов, отцовству, воспитанию и образованию детей, выбору супругами фамилии и т.п. [12].

Сравнение брачно-семейных правоотношений в России и норм международного частного права оказалось в центре внимания публикации Е.А. Жила. Автор отмечает, что браки с «иностранным элементом», где один или оба супруга являются иностранными гражданами, занимают особое место, так как в этом случае брачно-семейные отношения являются составной частью международных гражданских правоотношений и в значительной степени зависят от национальных традиций, бытовых и этнических обычаев, религиозных взглядов. Таким образом, семейное право как самостоятельная отрасль национального права в разных странах принципиально отличается и практически не подлежит унификации и кодификации.

По названным причинам возникают правовые коллизии в сфере регулирования брачно-семейных отношений из-за значимых различий материальных норм права разных государств: «коллизивно-правовые рамки регулирования брачно-семейных отношений должны быть значительно шире материально-правовых норм. Основные коллизивно-правовые проблемы брака и семьи заключаются в следующем:

- форма и условия заключения брака;
- расовые и религиозные ограничения;
- запреты на браки с иностранцами;
- «хромающие» браки;
- необходимость получения разрешения (дипломатического, родителей или опекунов) для вступления в брак;
- личный закон (главенство) мужа;
- заключение брака по доверенности и через представителя;
- полигамия и моногамия;
- однополые браки;
- юридическая ответственность за отказ вступить в обещанный брак и др.» [13].

Стремительная цифровизация всех областей общественной жизни, перемещение значительной части экономической, культурной, персональной жизни общества в киберпространство ставит перед правоведами всего мира экзистенциальную задачу создания правового инструментария, предназначенного для регулирования правоотношений в киберсреде. Развитие правовых механизмов на современном этапе существенно отстает от потребностей цифрового мира. Огромное количество международных трансграничных

операций, осуществляемых ежеминутно с помощью цифровых платформ и технологий, опирается сегодня на нормы международного частного права, совокупность которого не в полной мере удовлетворяет текущее развитие кибериндустрии. Встает вопрос о создании «киберправа» [14–16], которое позволяло бы сформировать механизмы правового регулирования там, где нормы международного частного права устарели или не успевают за развитием новой экономики и меняющимися потребностями общества [17]. Неизбежно возникает трудноразрешимая коллизия между глобализацией права в киберпространстве и безопасностью суверенных правовых систем, призванных охранять интересы национальных государств. Один из самых очевидных примеров в этом контексте – массовое внедрение технологий блокчейна в финансовый сектор, когда трансграничные движения капиталов и коммерческие сделки остаются вне поля зрения национальных фискальных органов. Еще одна «серая зона» блокчейна – сделки с результатами интеллектуальной деятельности, торговля которыми может осуществляться посредством NF-токенов и без участия национальных регуляторов [18].

Феномен возникновения киберправа, как вынужденной меры спонтанного реагирования на стремительное развитие цифровых трансграничных операций, анализируется в концептуальной статье М.В. Мажориной. Так, автор отмечает, что «свобода пользователей Интернета в части отбора провайдеров, сайтов и пр. может выражаться в выборе соответствующего интернет-ресурса с презюмируемым подчинением его правилам. Онлайн-платформы живут в логике включения/выключения или доступа/недоступа, выстроенной вокруг определенного набора правил, которые принимает или не принимает пользователь. Органами принуждения могут выступать онлайн системные администраторы – «сисопы» (sysop – system operator, системный оператор), обладающие правом на применение механизма «изгнания» из сообщества, или «забанивания» (banishment). При этом нормотворцами в этой среде выступают сами онлайн-образования, которым пользователи фактически делегируют задачу разработки правил, упорядочивающих онлайн-коммуникацию. Так возникает «интернет-право» (law of the Internet): не из решения некоей высшей власти, но как совокупность предпочтений, избранных определенными операторами, вводящими правила, и отдельными пользователями, определяющими, к каким интернет-сообществам им присоединяться. Управление интернет-сообществом является наряду с трансграничными сделками той областью, в которой преобладает частное нормотворчество» [2, с. 109].

Наглядная реализация подобной концепции киберправа была продемонстрирована ведущими западными интернет-платформами в отношении

российских средств массовой информации и лидеров мнений в последние несколько лет, и особенно – в 2022–2023 гг., когда каналы с десятками и сотнями тысяч подписчиков удалялись без объяснения причин и возможности апелляции по причине их несоответствия идеологическим нарративам глобального Запада. Тот факт, что ограничение свободы слова и свободы выражения мнений прямо нарушали действующие конституции стран, гражданами которых являлись владельцы этих сетевых ресурсов, и в юрисдикции которых зарегистрированы упомянутые платформы, не останавливал их от репрессивных мер: презюмируемое подчинение правилам сетевого сообщества, т.е. киберправо, становилось неоспоримым, воплощая в себе всю полноту «законодательной», «судебной» и «исполнительной» власти в киберпространстве.

Размышляя далее о сущности понятия «киберправо», М.В. Мажорина цитирует весьма добротное определение, предложенное И.М. Рассоловым в [19] и трактующего его в качестве «некого системного объединения норм и правил, которые призваны воздействовать на общественные отношения, складывающиеся по поводу использования совокупности компьютерных сетей и информационных ресурсов, принадлежащих множеству разнообразных субъектов – организаций и граждан. Исследуемые нормы права регулируют отношения субъектов в киберпространстве и содержат предписания, дозволения, запреты и рекомендации, которые относятся к информационной деятельности в Интернете в целом» (цит. по: [2, с. 112]).

Иными словами, многими правоведами сегодня констатируется возникновение глобальной правовой системы, уходящей корнями в международное частное право и составляющей конкуренцию национальным правовым системам в киберпространстве. В качестве примера исследователи приводят американскую компанию e-Bay, навязывающую собственную политику в сфере торговли и арбитража, фактически имеющую транснациональную природу: «автономность системы e-Bay может быть артикулирована в случае, когда один и тот же потребительский спор решается в национальном суде или с использованием механизмов разрешения споров e-Bay: в первом случае применимы императивные нормы законодательства о защите прав потребителей, во втором – политики e-Bay. В литературе можно встретить обоснование концепта «право eBay» (Law of eBay, или eBay law), который фактически артикулирует спор среди экспертов киберправа (cyberlaw) относительно того, нужна ли / возможна ли автономная правовая юрисдикция киберпространства или законы отдельных государств могут быть приспособлены для обеспечения регулирования глобальной информационной инфраструктуры» [2, с. 115].

Подобная правовая логика представляется весьма опасной для национальных интересов РФ. Выведение весомой доли международного частного права из национальной и международной юрисдикции в киберпространство и подмена его системой корпоративных норм, в целом ряде случаев противоречащих «традиционным» правоотношениям, чревато потерей суверенитета в чувствительных для государства областях, таких, как, например, свобода слова; независимость средств массовой информации; охрана авторских прав и результатов интеллектуальной деятельности; информационная безопасность и т.д. По названным причинам трудно согласиться с мнением профессора И.М. Рассолова, считающего интернет-право «правовым институтом» и рассматривающим его в качестве «системного объединения норм и правил, которые призваны воздействовать на общественные отношения, складывающиеся по поводу использования совокупности компьютерных сетей и информационных ресурсов, принадлежащих множеству разнообразных субъектов – организаций и граждан» [19].

События последних лет неумолимо заставляют отечественных законодателей озаботиться приматом национального права, отходя от парадигмы примата международного права в национальном законодательстве. Длительная дискуссия в профессиональной среде³ о смысле и правовых последствиях п. 4 ст. 15 Конституции РФ не закончилась в июле 2020 г. после внесения поправок: вопрос о верховенстве национального права над международным так и остался неразрешенным. (Напомним, что в соответствии с п. 4. ст. 15 Конституции РФ, «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»)⁴. Так, исследователи отмечают отсутствие четких критериев формулировки «противоречия Конституции РФ» [20].

В этой связи обоснованны предложения Председателя Государственной Думы В.В. Володина осуществить ревизию всех подписанных со стороны РФ

³ См., например, Барциц И.Н. Переосмысление соотношения международного и национального права на рубеже эпох (о поправке в статью 79 Конституции Российской Федерации) // Государственная служба. 2020. № 1 (123). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/pereosmyslenie-sootnosheniya-mezhdunarodnogo-i-natsionalnogo-prava-na-rubezhe-epoch-o-popravke-v-statyu-79-konstitutsii-rossiyskoy> (дата обращения: 07.05.2023); Капустин А.Я., Бальхаева С.Б. Конституция и международное право: новая модель взаимодействия // Lex Russica. 2022. № 4 (185). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-i-mezhdunarodnoe-pravo-novaya-model-vzaimodeystviya> (дата обращения: 08.05.2023); Пинчук А.П. О соотношении международного права и национального права РФ в контексте конституционной реформы 2020 г. // Скиф. 2020. № 11 (51). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-mezhdunarodnogo-prava-i-natsionalnogo-prava-rf-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-g> (дата обращения: 08.05.2023).

⁴ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL:<https://constitution.garant.ru/rf/chapter/36bfb7176e3e8bfebe718035887e4efc/> (дата обращения: 12.08.2023).

международных соглашений и договоров на соответствие ее основному закону и проинформировать зарубежных контрагентов о том, что в процессе их исполнения Россия будет строго придерживаться своей Конституции⁵.

Вместе с тем, уделяя внимание положению ст. 15 Конституции РФ о «международных договорах» РФ, ситуация с которыми вполне прозрачна и механизмы обеспечения национальных интересов существуют и работают, на фразе об «общепризнанных принципах и нормах международного права», по непонятной причине, исследователи концентрируются значительно реже.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» дано следующее толкование этого закрепленного в Конституции РФ понятия: «Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо.

К общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного»⁶.

И, действительно, в условиях всеобщей «правовой нормальности» мирного времени подобное определение было бы вполне приемлемым. Однако в последние годы мир наблюдает за трансформацией этических норм, стремительно отражающейся в правовых системах различных межгосударственных объединений. Тезис о том, что «под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного»⁷ в определенных обстоятельствах может противоречить не только Конституции РФ, но и доминирующим в РФ общепризнанным этическим нормам и ценностям. В качестве иллюстрации можно сделать отсылку к мнению исследователя из Университета штата Пенсильвания

⁵ Приоритет российского права над международным: как на самом деле будет работать эта поправка к Конституции. URL:<https://bankstoday.net/last-articles/prioritet-rossijskogo-prava-nad-mezhdunarodnym-kak-na-samom-dele-budet-rabotat-eta-popravka-k-konstitutsii> (дата обращения: 12.08.2023).

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL:<https://base.garant.ru/12132854/> (дата обращения: 12.08.2023).

⁷ Там же.

Ларри Бейкера (Larry Cata Backer), процитированному в статье М.В. Мажориной, утверждающему, что американская компания Walmart, которая управляет крупнейшей в мире сетью оптовой и розничной торговли, «стала важным актором в трансформации процесса правотворчества. Эта трансформация бросает вызов регуляторной монополии государства и может способствовать построению глобальной системы обычного права. В условиях отсутствия или неэффективности правового регулирования в той или иной сфере (особенно в области регулирования интернет-отношений) конкуренты государства в области нормотворчества, к коим автор относит и Walmart, могут предложить неплохой продукт – предсказуемые нормы, которые соответствуют ожиданиям» (цит. по: [2, с. 110]).

Неизбежно возникает вопрос: каково место международного частного права в правовой системе РФ при учете современных тенденций развития «квазиправа», где суверенным государствам навязываются нелегитимные нормы и правила в парадигме следования глобальным корпоративным интересам и нелегитимным международным рестрикциям?

Заключение

Подводя промежуточный итог в рассмотрении проблем изучения международного частного права в правовой системе РФ, приходится констатировать недостаточную степень изученности того нарастающего объема проблем и вызовов, которые возникли перед нашей страной в процессе обретения ею политической, экономической и правовой суверенности в минувшем десятилетии. Очевидно отставание российской юриспруденции в деле формирования новых правовых реалий на фоне острого международного противостояния.

Список источников

1. Беляев В.А., Ахметшина А.А., Сибяева Г.Р. Институциональные ценности демократии vs феминаци, social justice warriors, blm и «поколения снежинок» // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 3 (54). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-tsennosti-demokratii-vs-feminatsi-social-justice-warriors-blm-i-pokoleniya-snezhinok> (дата обращения: 26.04.2023).
2. Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. 2019. № 2 (147). С. 107–120.
3. Гусарова Е.А. Место международного частного права в правовой системе Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10–3. С. 65–67.

4. Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. А. Л. Маковский, И. О. Хлестова. – М.: Юриспруденция. 2012. 11 с.
5. Остроумов Н.Н. Проблемы унификации международного частного права // Журнал российского права. 2015. № 1 (217). С. 140.
6. Новохацкая И.П. Форма законодательных актов, содержащих коллизионные нормы, как характеристика этапа развития международного частного права Российской Федерации // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3–1. С. 161–163.
7. Доронина Н.Г. Актуальные проблемы международного частного права // Журнал российского права. 2010. № 1 (157). С. 116.
8. Гордеюк Е.В. Брачные правоотношения с иностранным элементом // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 67–71.
9. Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 92–110.
10. Измайлов В.В. Правовая природа и некоторые проблемы расторжения брака в России // Пролог: журнал о праве. 2018. № 3. С. 40–47.
11. Войтович Е.П. Правовое регулирование семейных отношений с участием иностранцев в РФ: итоги и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 137–141.
12. Марышева Н.И., Муратова О.В. Брачный договор в международном частном праве: правовое регулирование в России и ЕС // Журнал российского права. 2014. № 6 (210). С. 102.
13. Жила Е.А. Брачно-семейные правоотношения в России в сравнении с нормами международного частного права (социально-правовые и психологические аспекты) // Вестник ИрГТУ. 2014. № 7 (90). С. 195.
14. Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex Russica*. 2019. № 7 (152). С. 93–107.
15. Мажорина М.В., Терентьева Л.В., Шахназаров Б.А. Международное частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 169–189.
16. Мажорина М.В. Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 169–182.

17. Засемкова О.Ф. Разрешение споров с помощью технологии блокчейн // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 160–167.

18. Ипполитов С.С. Интеллектуальная собственность и точки роста творческой индустрии в российской экономике: блокчейн, крипто-арт, NFT-токенизация // Культура и образование. 2021. № 2. С. 5–18. DOI: 10.24412/2310-1679-2021-241-5-18.

19. Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2009. 383 с.

20. Пинчук А.П. О соотношении международного права и национального права РФ в контексте конституционной реформы 2020 г. // Скиф. 2020. № 11 (51). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-mezhdunarodnogo-prava-i-natsionalnogo-prava-rf-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-g> (дата обращения: 08.05.2023).

References

1. Belyaev V.A., Akhmetshina A.A., Sibaeva G.R. Institutional values of democracy vs feminazi, social justice warriors, blm and "generations of snowflakes". *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik = Kazan Socio-humanitarian Bulletin*. 2022. No. 3 (54). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-tsennosti-demokratii-vs-feminatsi-social-justice-warriors-blm-i-pokoleniya-snezhinok> (date of access: 26.04.2023) (in Russ.).

2. Mazhorina M.V. Digital platforms and private international law, or does cyber Law have a future? *Lex Russica*. 2019. No. 2 (147). P. 107–120 (in Russ.).

3. Gusarova E.A. The place of private international law in the legal system of the Russian Federation. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020. No. 10–3. P. 65–67 (in Russ.).

4. *Problemy unifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava = Problems of unification of private international law: monograph* / ed. by A. L. Makovsky, I. O. Khlestova. – Moscow: *Jurisprudence Publ.*, 2012. 11 p. (in Russ.).

5. Ostroumov N.N. Problems of unification of private international law // *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2015. No. 1 (217). P. 140 (in Russ.).

6. Novokhatskaya I.P. The form of legislative acts containing conflict-of-laws norms as a characteristic of the stage of development of private international law of the Russian Federation. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel' = Tauride Scientific Observer*. 2015. No. 3–1. P. 161–163 (in Russ.).

7. Doronina N.G. Actual problems of private international law. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2010. No. 1 (157). P. 116 (in Russ.).
8. Gordeyuk E.V. Marital relations with a foreign element. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. No. 12. P. 67–71 (in Russ.).
9. Getman-Pavlova I.V., Kasatkina A.S. Problems of conflict regulation of marriage and family relations in private international law of Russia. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2017. No. 1. P. 92–110 (in Russ.).
10. Izmailov V.V. The legal nature and some problems of divorce in Russia. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Journal of Law*. 2018. No. 3. P. 40–47 (in Russ.).
11. Voitovich E.P. Legal regulation of family relations with the participation of foreigners in the Russian Federation: results and prospects. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2017. No. 5 (78). P. 137–141 (in Russ.).
12. Marysheva N.I., Muratova O.V. Marriage contract in private international law: legal regulation in Russia and the EU. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2014. No. 6 (210). P. 102 (in Russ.).
13. Zhila E.A. Marital and family legal relations in Russia in comparison with the norms of private international law (socio-legal and psychological aspects) // *Vestnik IrGTU = Bulletin of IrSTU*. 2014. No. 7 (90). P. 195 (in Russ.).
14. Mazhorina M.V. On the conflict of law and "wrong", renovation of lex mercatoria, smart contracts and blockchain arbitration. *Lex Russica*. 2019. No. 7 (152). P. 93–107 (in Russ.).
15. Mazhorina M.V., Terentyeva L.V., Shakhnazarov B.A. International private law in the context of the development of information and communication technologies. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2019. No. 5 (102). P. 169–189 (in Russ.).
16. Mazhorina M.V. The network paradigm of international private law: contouring the concept. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2019. No. 4 (101). P. 169–182 (in Russ.).
17. Zasemkova O.F. Dispute resolution using blockchain technology. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2019. No. 4 (101). P. 160–167 (in Russ.).
18. Ippolitov S.S. Intellectual property and points of growth of the creative industry in the Russian economy: blockchain, crypto-art, NFT-tokenization. *Kul'tura i obrazovaniye = Culture and education*. 2021. No. 2. P. 5–18. DOI: 10.24412/2310-1679-2021-241-5–18 (in Russ.).

19. Rassolov I.M. *Pravo i Internet. Teoreticheskiye problemy = Law and the Internet. Theoretical problems*. 2nd ed., supplement. Moscow: Norma Publ. 2009. 383 p. (in Russ.).

20. Pinchuk A.P. On the correlation of international law and national law of the Russian Federation in the context of constitutional reform in 2020. *Skif*. 2020. No. 11 (51). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-mezhdunarodnogo-prava-i-natsionalnogo-prava-rf-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-g> (date of access: 08.05.2023) (in Russ.).

Статья поступила 04.09.2023, принята к публикации: 20.09.2023.

© Ипполитов С.С., 2023

Раздел: ЭКОНОМИКА

Научная статья
УДК: 341

Опыт национализации экономики развивающихся стран Африки и возможность использования этих результатов в России

Евгений Николаевич Петров

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия,
Главный специалист-эксперт по безопасности,
кандидат технических наук,
petrov-en@mail.ru

Аннотация. В статье приводится краткий обзор различных подходов к национализации иностранной собственности, в том числе нематериальных активов, входящих в объект национализации в развивающихся государствах Африканского континента. Проводя аналогию с текущей экономической ситуацией в России, автор приходит к выводу, что необходимости проводить массовую национализацию или приватизацию предприятий в России нет, а изучение опыта и ошибок африканских стран будет полезным для целей реализации планов дальнейшего успешного экономического развития нашей страны.

Ключевые слова: правовые подходы к национализации, гармонизация законодательства, государственные механизмы правового регулирования, приватизация, национализация.

Финансирование: статья подготовлена в рамках НИР «Зарубежный опыт национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте ответных мер санкционной политики» (6-ГЗ-2023).

Для цитирования: Петров Е.Н. Опыт национализации экономики развивающихся стран Африки и возможность использования этих результатов в России // IP: теория и практика. 2023. № 3. С. 32–41.

The experience of nationalization of the economy of developing countries in Africa and the possibility of using these results in Russia

Evgeny N. Petrov

Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia,
Chief Security Expert, PhD of Technical Sciences,
petrov-en@mail.ru

Abstract. The paper provides a brief overview of various approaches to the nationalization of foreign property, including intangible assets included in the object of nationalization in developing countries of the African continent. Drawing an analogy with the current economic situation in Russia, the author comes to the conclusion that there is no need to carry out mass nationalization or privatization of enterprises in Russia, and studying the experience and mistakes of African countries will be useful for the purposes of implementing plans for the further successful economic development of our country.

Key words: legal approaches to nationalization, harmonization of legislation, state mechanisms of legal regulation, privatization, nationalization.

Funding: the paper was prepared as part of the research work "Foreign experience in the nationalization of intellectual property in the context of response measures to sanctions policy" (6-GZ-2023).

For citation: Petrov E.N. The experience of nationalization of the economy of developing countries in Africa and the possibility of using these results in Russia // IP: theory and practice. 2023. No. 3. P. 32–41.

Введение

На протяжении многих десятилетий развивающиеся африканские страны, пытаясь преодолеть экономическую отсталость, обосновывали ее только фактом их колонизации, а не внутренними причинами и особенностями каждой страны в отдельности, считая, что экономику можно поднять лишь политическими средствами. Вместе с тем, начиная с 1960 г. и практически до 1980 г., за время приобретения независимости, основанной на национализации богатых природных ресурсов, собственности иностранных компаний и корпораций, им так и не удалось сформировать экономический потенциал, который позволил бы достичь намечаемого экономического роста. Однако опыт проведения национализации, несомненно, представляет интерес

для России, принимая во внимание политическую и экономическую обстановку, сложившуюся после введения странами коллективного Запада и США всеобъемлющих и необоснованных политических и экономических санкций.

Методы

Методологической основой представленного исследования послужили как общенаучные, так и частноправовые методы познания, а именно логический, сравнительно-правовой, методы аналогий, анализа и синтеза полученной информации по вопросу национализации. Совокупное применение перечисленных методов позволило наиболее полно понять теоретическую основу и практические аспекты процессов национализации иностранной собственности в развивающихся африканских странах, выработать определенные рекомендации для реализации механизма успешного экономического развития в России в особых условиях – практически полной изоляции от возможности получения современных технологий, обмена и использования передового опыта экономически развитых стран коллективного Запада и США.

Основное исследование

Национализация – передача имущественных и нематериальных активов частных лиц в государственную собственность – имеет в каждом конкретном случае свои особенности и проблемы, которые необходимо учитывать.

Особенностью развивающихся стран, включая страны Африки, является то, что в период формирования государственных институтов, практически сразу же после провозглашения политической независимости колониальных стран от западных метрополий, национализация приобретает доминирующее значение в экономической жизни и должна регулироваться соответствующими национальными правовыми актами. Национализация в странах Африки направлена на обеспечение реальной экономической независимости и не должна была быть правовым актом, отраженным только на бумаге.

Как известно, имеется достаточное количество правовых актов международного права, формирующих правовую базу для проведения национализации в развивающихся странах, некоторыми из таких документов являются:

- Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 25.10.1970;
- Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1805 «О национальном суверенитете над природными ресурсами»;

- Хартия экономических прав и обязанностей государств 1974 г.;
- Декларация по установлению нового экономического порядка 1974 г.

Отметим, что классическая доктрина западных стран признает право государства на экспроприацию: включая национализацию и реквизицию (конфискацию) любой собственности иностранных частных лиц, в том числе и нематериальных активов, при выполнении ряда требований, главным из которых является то, что при проведении экспроприации собственности (особенно для развивающихся африканских стран) она должна осуществляться исключительно в общественных интересах, на законных основаниях, без дискриминации, и сопровождаться быстрой, адекватной и эффективной компенсацией [1].

Эти условия содержатся в известном документе о национализации: так называемой «формуле Халла». Вместе с тем обратим внимание, что справедливая компенсация за национализированную иностранную собственность не налагает автоматически на государство обязанность по выплате компенсации, что неоднократно было подтверждено на практике.

В этом случае справедливая компенсация должна определяться с учетом обстоятельств каждого конкретного дела, являющегося предметом рассмотрения. Если государство, национализировавшее иностранную собственность и иностранные инвестиции, потерпело от иностранного инвестора значительные убытки, размер которых превышает стоимость произведенных инвестиций, то в этом случае вряд ли стоит ожидать от государства, проводившего национализацию, выплаты иностранному инвестору компенсации, в том числе и за использование результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД). Такая ситуация в большинстве случаев наблюдается в развивающихся африканских странах, избравших независимость от колониального прошлого.

Содержание компенсации за национализированное (экспроприированное) имущество раскрывается в четвертом разделе Руководства Всемирного банка по режиму для прямых иностранных инвестиций 1992 г. (далее – Руководство Всемирного банка). Компенсация должна быть:

- адекватной, если она основана на справедливой рыночной стоимости актива на дату, предшествующую принятию решения об экспроприации (или накануне, когда подобное решение стало известно общественности);
- эффективной, если она выплачивается в валюте инвестирования (если валюта является конвертируемой), или в другой валюте, указанной как свободно конвертируемая Международным валютным фондом, или в другой валюте с согласия инвестора;
- быстрой, если она выплачивается без задержки [2].

В особых случаях, когда государство испытывает сложности финансового характера, оно может выплатить компенсацию в рассрочку в течение короткого периода времени, который не должен превышать пять лет с момента экспроприации, с условием уплаты процентов. В этих случаях в Руководстве Всемирного банка предусмотрена методика определения размера компенсации. Если между иностранным инвестором и государством не было достигнуто соглашения о стоимости национализируемого актива, то она должна соответствовать сумме, которую заинтересованный покупатель готов был бы заплатить продавцу, учитывая характер инвестиций и обстоятельства, которые могут появиться в будущем. При этом компенсация по нематериальной составляющей объекта национализации, возможно, включающей РИД, часто представляет определенную проблему и требует особого подхода (проведения оценки, специальных экспертиз и т.д.). Важно отметить, что национализация это не «карательная» мера, в отличие от реквизиции (для отдельных лиц, компаний, корпораций). При этом национализация является государственным актом, касающимся как иностранных, так и национальных физических и юридических лиц [3].

Для большинства развивающихся стран Африки характерно стремление к всеобъемлющему и полному государственному суверенитету над природными богатствами. Все большее количество этих стран сегодня национализуют естественные природные ресурсы, долгое время находившиеся в колониальном владении стран Запада (известные события в Республике Чад, Нигере, Алжире, Сирии и т.д.). Освободившиеся от колониальной зависимости развивающиеся африканские государства рассматривают право на национализацию как производное от обретенного государственного суверенитета. Вследствие этого при выплате компенсации учитываются разные обстоятельства, в том числе нематериальные активы иностранных компаний, транснациональных корпораций, физических лиц, включая вклад РИД в объект национализации. Причем иногда этот вклад в компенсационных выплатах может составлять значительную величину, превосходящую в отдельных случаях стоимость материальных активов (программное обеспечение, биотехнологии, фармацевтика, лицензии на различные виды деятельности и т.д.). Учитывая эти обстоятельства, возникновение которых напрямую связано с длительной колониальной зависимостью развивающихся африканских стран от западных метрополий, и фактическое разграбление иностранными корпорациями и частными собственниками природных, интеллектуальных, промышленных и других ресурсов Африки, на практике при осуществлении процесса национализации компенсационные выплаты могут быть значительно снижены [4].

Как известно, с 1956-го по 1976 г. – в период активного национального освободительного движения в африканских странах, при реализации актов национализации только в нескольких редких случаях выплаченная компенсация соответствовала обозначенным требованиям владельцев собственности, например в Замбии (1969 г.). В связи с этим были приняты международные нормативные акты, подтверждающие право освободившихся от колониальной зависимости стран самим определять форму и размер компенсации (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 3171, (XXXVIII), 1973 г.).

Сегодня, как показывают изменения, происходящие на Африканском континенте, все большее количество стран, учитывая ошибки прошлых лет, приходит к осознанию необходимости государственной независимости, основанной на экономическом росте, повышении роли и вклада в экономику интеллектуального капитала, использовании новейших передовых технологий, инновационных разработок в различных отраслях промышленности. В современных условиях признание актов национализации освободившихся от колониальной зависимости африканских стран за пределами их границ не предоставляет такого выбора, как в 20–30-х годах прошлого века, когда речь шла о советских декретах о национализации земли, банков, промышленных предприятий, страховых и торговых организаций, имущества собственников – частных лиц, находящихся за границами СССР, включая и интеллектуальную собственность. (Отметим, что в СССР авторам выдавались только авторские свидетельства, в то время как государство обладало правами на использование и распоряжение РИД).

В настоящее время государство, избравшее путь национализации экономики, прежде всего должно руководствоваться правовыми нормами международного права и в договорном порядке решать вопрос о национализации, согласовывая взаимно возможности, условия, требования и последствия этого шага в каждом конкретном случае. Договаривающиеся стороны, как правило, принимают условия, которые обуславливают проведение национализации интересами общественной безопасности, исключительными экономическими потребностями государства и закрепляют это в нормативных правовых актах. Принцип адекватной компенсации закрепляется отдельно. Отметим, что до настоящего времени западные страны – бывшие метрополии, не желая терять дешевые источники природных ресурсов, приобретенные ими во время колониального господства на Африканском континенте, часто отказывали развивающимся государствам в признании действия национальных правовых актов за пределами их границ, обращаясь к принципу экстерриториальности действия законов о национализации в международном частном праве. Вместе с тем, основываясь на постулатах вещного права о том,

что, если вещь по закону ее местонахождения правомерно перешла от одного собственника к другому, она должна считаться таковой повсюду. Другими словами, право собственности на национализированное по законному акту государства имущество должно признаваться и за его пределами (территориальный принцип)¹.

Особенностью, характерной для развивающихся африканских стран, является полагание того, что путь к экономическому процветанию лежит только через национализацию собственности промышленных компаний и международных корпораций, причем основной акцент делается на индустриализацию, которая должна следовать за национализацией. Чтобы реализовать эти возможности, тратились огромные финансовые средства, в том числе и кредиты от международных организаций, и инвесторов, однако в конечном итоге цель не была достигнута (промышленное производство в африканских государствах составляет около 1–1,5% от мирового промышленного производства).

В попытке объединить усилия создавались региональные экономические объединения африканских стран, заключались договоры о валютном, транспортном, информационном, коммуникационном взаимодействии. Однако на практике эти усилия не привели к решению вышеперечисленных проблем. В результате практически все государства Африки, за исключением Берега Слоновой Кости, Кении, Алжира, Ливии и Нигерии, избравшие путь развития, основанный на национализации частной собственности, включая собственность иностранных компаний и транснациональных корпораций, стали еще беднее, чем были во времена колониализма. Выбранный развивающимися африканскими странами путь марксистского социализма, провозгласившего тотальную национализацию экономики, и отвергающего частную собственность и свободный рынок, очень дорого им обошелся.

В то же время в тех африканских государствах, которые не стали выбирать социалистический путь развития, но полагались на государственный сектор, государственные учреждения выступали в виде личного источника дохода. Коррупционная составляющая, родовые межплеменные отношения, национальные и религиозные противоречия, безусловно, могли отрицательно повлиять на сферу частнопредпринимательской деятельности в развивающихся африканских странах.

Именно ввиду десятилетий неэффективной экономической политики, в ряде случаев некомпетентного и неумелого руководства все

¹ Резолюция № 2158 (XXI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций от 25.11.1966 «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами». URL: <http://daccess-ddn.org/doc/RESOLUTION/GEN/NRO/787/53/IMG/NRO78753.pdf?op=element/date> (дата обращения: 15.09.2023).

вышеперечисленные обстоятельства стали причиной того, что, несмотря на изобилие природных ресурсов, богатейшие залежи полезных ископаемых, наличие иностранных инвестиций на начальном этапе в период освоения природных богатств Африки, на сегодняшний день инвестиции международных организаций в экономику континента практически прекратились.

Перемены в политике и экономике африканских государств происходили также в 1980–1990 гг., и сегодня в некоторых из них с учетом негативного опыта государственной национализации в прошлом реализуются новые экономические подходы. Происходят изменения, оказывающие положительное влияние на экономику: развитие рыночного сектора, уход от тоталитаризма и обращение к демократическим началам в формировании правительств. Все это позволяет утверждать, что наблюдается незначительный экономический рост в этих странах².

Россия сегодня находится на пути, требующем принятия быстрых и безошибочных решений, связанных с выбором экономической политики. Западные страны во главе с США не оставили России выбора. После распада СССР перед Россией стояли в основном две задачи, определяющие дальнейший путь развития: первая – отказаться от коммунистических идеалов, вторая – создать новую экономическую модель, основанную на свободном, капиталистическом рынке. В то время для решения второй задачи был выбран путь приватизации, так как страна находилась в сложной политической и экономической ситуации. «Ваучеризация», чековые инвестиционные фонды, которые затем благополучно исчезли, залоговые аукционы, позволившие отдельным кредиторам выкупить заложенные пакеты акций по ценам в сотни раз ниже рыночных и приведшие к появлению отечественных олигархов одновременно с образованием неимущих слоев населения позволили в какой-то степени избежать риска гражданской войны и устранить причины, которые могли бы привести к нехватке продовольствия. Снизив частично социальную напряженность, эти меры создали в обществе противоречия, существующие до настоящего времени.

В 2023 г. глава ВТБ Андрей Костин предложил для построения новой модели роста экономики на основе внутренних ресурсов «перезапустить» приватизацию, что было поддержано некоторыми экономистами. Согласно другой позиции, озвученной на Петербургском международном юридическом форуме председателем Следственного комитета России, для обеспечения

² Protocol to the African Charter of Human and People's Rights on the Establishment of an African Court of Human and People's Rights, opened for signature 8 June 1998. URL: <http://www.achpr.org/Protocol ontheAfrican-Court.doc> (дата обращения: 10.09.2023).

эффективного экономического роста предлагается, наоборот, национализировать основные отрасли экономики страны.

Таким образом, возникает правомерный вопрос: приватизация или национализация экономики окажется эффективна для России? Потенциально и тот, и другой процесс, несмотря на противоположность подхода, способен принести финансовые средства в бюджет страны. В первом случае это более высокая эффективность деятельности, адаптируемость к изменению условий, динамичность реализации государственных программ при мобилизационной экономике, в том числе и в оборонной отрасли, при том, что приватизированные предприятия гораздо чаще разоряются из-за плохого менеджмента и индивидуальных особенностей собственников. Во втором случае – в государственных (национализированных) предприятиях не всегда удается наладить эффективный контроль за потоками финансовых средств, обеспечить продуктивное и оперативное сообщение с партнерами в производственных или организационных цепочках, исключить коррупциогенность, преодолеть определенные межведомственные барьеры, связанные с соблюдением особых регламентов.

Выбор в сторону национализации базовых отраслей экономики России в экстремальной мобилизационной ситуации не всегда целесообразен в качестве основного пути решения насущных экономических задач.

В отличие от развивающихся африканских стран, у России есть много иных способов и форм повышения эффективности контроля за деятельностью практически каждой из расположенных на ее территории крупных промышленных корпораций, различных фирм, предприятий с участием частного капитала. В этих условиях совершенно очевидно, что отсутствие иностранных инвесторов и, как следствие, внешних инвестиций, которые присутствовали на российском рынке до начала специальной военной операции и введения жестких санкций со стороны стран коллективного Запада, в полной мере не может быть компенсировано только приватизацией отдельных отраслей экономики России. В данном случае является целесообразным рассмотрение возможности частичной приватизации, при условии, если она позволит в ближайшей перспективе вывести конкретное производство (в том числе имеющее важное оборонное значение) из-под санкций и за счет этого резко повысить эффективность его работы, в том числе в интересах оборонно-промышленного комплекса.

Заключение

В настоящее время нет необходимости проводить массовую национализацию или приватизацию в России, значительно эффективнее

будет реализовать точечные, адресные решения по конкретным отраслям, предприятиям с целью повышения их эффективности, выбирая тот или иной подход. Условия для всеобъемлющей приватизации в современных условиях в России еще не сформированы, а дальнейшее огосударствление экономики может привести к уничтожению с таким трудом созданных рыночных механизмов³.

Для реализации планов дальнейшего успешного экономического развития России представляет определенный интерес анализ процессов национализации и приватизации некоторых отраслей экономики в развивающихся африканских странах, их практический опыт и полученные результаты.

Список источников

1. Аль Обейди Салех Мегди. Вопросы национализации в современном международном праве: Автореферат диссертации... канд. юрид. наук: 12.00.10. – Москва, 1979. 22 с.
2. Report OON, E/CN.4/Sub.2/2002/25 June. 2002. P. 16–22.
3. Африка: Власть и политика. – М.: ИА РАН. 2004. 124 с.
4. Косухин Н.Д. Африка: Поиски обновления. Динамика политических изменений в конце XX – начале XXI века. – М.: ИА РАН. 2007. 237 с.

References

1. Al Obeidi Saleh Meghdi. *Voprosy natsionalizatsii v sovremennom mezhdunarodnom prave = Issues of nationalization in modern international law: Abstract of dissertation, Candidate of Law, 12.00.10. Moscow. 1979. 22 p. (in Russ.)*.
2. Report OON, E/CN.4/Sub.2/2002/25 June. 2002. P.16–22.
3. Africa: Power and Politics. Moscow: *IA RAS Publ.* 2004. 124 p. (in Russ.).
4. Kosukhin N.D. Africa: The search for renewal. Dynamics of political changes at the end of the XX – beginning of the XXI century. Moscow: *IA RAS Publ.* 2007. 237 p. (in Russ.).

Статья поступила 27.09.2023, принята к публикации: 28.09.2023.

© Петров Е.Н., 2023

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 09.06.2001 № 456 «О заключении соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств, поощрении и взаимной защите капиталовложений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 25. С. 2578.

Раздел: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Научная статья
УДК: 338.24

Создание евразийской цифровой IP-системы

Александра Олеговна Аракелова ¹,
Геннадий Борисович Золотов ²

^{1, 2} Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

¹ доктор искусствоведения, заведующая кафедрой
общеобразовательных дисциплин, ректор,
alexandra@rgiis.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-4628-0915>

² аспирант, преподаватель кафедры УИКИС, начальник Медиацентра,
zolotov@rgiis.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3560-5467>

Аннотация. В статье изложены основы формирования евразийской цифровой IP-системы. Авторы предпринимают попытку определить понятие «цифровая IP-система» (цифровая система интеллектуальной собственности), придать ему научный статус.

В исследовании приводится структура евразийской цифровой IP-системы, которая включает цифровые элементы, организацию связей между ними и их функции.

В авторской трактовке эта система предстает как «Евразийская IP-платформа», которая соединяет в себе две подсистемы: а) единую цифровую платформу с широким набором баз данных, информационно-поисковыми и справочными системами, реестрами, содержащими информацию о всех объектах ИС, средствах индивидуализации, объектах авторского и смежных прав и др.; б) системный набор ресурсов, инструментов, технологий, подсистему администрирования и управления, которые обеспечивают автоматизацию процессов, связанных с объектами результатов интеллектуальной и творческой деятельности.

Ключевые слова: цифровая IP-система, евразийская цифровая IP-система, цифровые элементы, цифровая платформа, интеллектуальная собственность, структура евразийской цифровой IP-системы, базы данных, Евразийский реестр, технология искусственного интеллекта, машинное обучение, нейросети, облачные вычисления, системы распознавания объектов, распределенные реестры, функции цифровой IP-системы.

Финансирование: статья подготовлена в рамках НИР «Творческие (креативные) индустрии (по видам) как социально-экономический сегмент в государствах-членах ЕАЭС: состояние и перспективы» (2-ГЗ-2023).

Для цитирования: Аракелова А.О., Золотов Г.Б. Создание евразийской цифровой IP-системы // IP: теория и практика. 2023. № 3. С. 42–55.

Original article

Creation of a Eurasian digital IP-system

Alexandra O. Arakelova ¹,
Gennadiy B. Zolotov ²

^{1,2} Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

¹ Doctor of Art History, Head of the Department
of General Educational Disciplines, Rector,
alexandra@rgiis.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-4628-0915>

² Postgraduate Student, Lecturer at the Department of Innovation Management
and Commercialization of Intellectual Property, Head of the Media Center,
zolotov@rgiis.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3560-5467>

Abstract. The article outlines the foundations for the formation of the Eurasian digital IP system. The author makes an attempt to define the concept of "digital IP-system" (digital intellectual property system), to give a scientific status to this concept.

The study provides the structure of the Eurasian digital IP system, which includes digital elements, the organization of links between them and their functions.

In the author's interpretation, this system appears as a "Eurasian IP platform", which combines two subsystems: a) a single digital platform with a wide range of databases, information retrieval and reference systems, registries containing information about all IP objects, means of individualization, objects of copyright

and related rights, etc.; b) a system set of resources, tools, technologies, an administration and management subsystem that automate processes associated with objects of the results of intellectual and creative activity.

Key words: digital IP-system, Eurasian digital IP system, digital elements, digital platform, intellectual property, structure of the Eurasian digital IP system, databases, Eurasian registry, artificial intelligence technology, machine learning, neural networks, cloud computing, object recognition systems, distributed registries, digital IP system functions.

Funding: the paper was prepared as part of the research work "Creative industries (by type) as a socio-economic segment in the EAEU member states: state and prospects" (2-GZ-2023).

For citation: Arakelova A.O., Zolotov G.B. Creation of a Eurasian digital IP-system // IP: theory and practice. 2023. No. 3. P. 42–55.

Введение

Инновационный вектор социально-экономического развития государств-партнеров вносит свои коррективы в функционирование сферы интеллектуальной собственности (далее – ИС). За последнее время произошли изменения в структуре подаваемых заявок на получение охранных документов – заметно увеличилось количество заявок на регистрацию товарных знаков и программ для ЭВМ, усложнилась техническая сущность заявляемых решений и др., что привело к возрастанию объема поисковой информации, увеличению трудозатрат на проведение экспертиз, в том числе технических решений, и, как следствие, – возник риск увеличения сроков выдачи охранных документов. Так, например, по итогам шести месяцев 2022 г. количество заявок на регистрацию программ для ЭВМ (далее – ПрЭВМ), баз данных (далее – БД) и топологий интегральных микросхем (далее – ТИМС) увеличилось на 16,9%, по сравнению с аналогичным показателем 2021 г., и на 83,4%, по сравнению с первым полугодием 2020 г. Всего в первом полугодии 2022 г. подано 13 706 заявок на ПрЭВМ, БД и ТИМС. Рост количества поданных заявок произошел преимущественно за счет увеличения активности российских заявителей. Так, в отчетном периоде на 17,2% выросло количество таких заявок относительно показателя 2021 г. и на 84,4% – по сравнению с шестью месяцами 2020 г. При этом доля российских заявок на ПрЭВМ, БД, ТИМС составляет 99,7% [1].

До недавнего времени в национальном ведомстве по ИС Российской Федерации экспертиза заявок на изобретения, полезные модели и промышленные образцы проводилась экспертами путем сопоставления чертежей и словесного описания формулы – для формирования цельного образа технического решения, соединения плоскостных изображений – для дизайнерских решений. Отсутствие

современных средств и методов ведения экспертизы не отвечало интересам потенциальных заявителей, опирающихся в своей деятельности на цифровые системы моделирования и проектирования при создании, например, объектов промышленного дизайна для нужд судо-, автомобиле- и авиастроения [2].

Реализация возможности подачи изображений заявок в форме цифровых трехмерных моделей объектов позволила значительно глубже раскрыть сущность технического решения, использовать алгоритм распознавания и сопоставления представленных моделей с уже имеющимися в реестре, обеспечивать поиск схожих объектов и сократить сроки проведения экспертизы заявок на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и товарные знаки, повысить ее качество.

В настоящее время возможность представления вместо чертежей и двухмерных изображений цифровых трехмерных моделей имеется только в ЕАПВ и национальных патентных ведомствах Российской Федерации, Азербайджанской Республики и Республики Таджикистан. Кроме того, выдача патентов в форме электронных документов осуществляется лишь в ЕАПВ и национальных ведомствах в сфере ИС Российской Федерации, Республики Казахстан.

В целом ситуация с цифровизацией процессов делопроизводства в ЕАПВ и национальных ведомствах в сфере ИС государств-партнеров не полностью соответствует современным требованиям, что создает высокие риски для эффективного функционирования евразийской экосистемы ИС, нарушения информационной безопасности государств-партнеров и ЕАПВ, делает евразийскую систему ИС малопривлекательной для других потенциальных участников.

Методы

Для целей исследования заявленной темы применялась совокупность методов и методологических подходов. Так, для исследования научных подходов к определению понятия «цифровая IP-система» применялись методы анализа, экстраполяции, аналогий; для обоснования элементов творческих индустрий использован структурный подход, а для выявления функций этой системы применен функциональный подход.

Основное исследование

Для осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития, обеспечения безопасности государств-партнеров необходима не просто интеграция международных баз данных и имеющихся у государств-партнеров информационных систем и справочных ресурсов

в сфере ИС, а создание новой цифровой и технологической реальности в IP-сфере.

Представляется, что Евразийская цифровая IP-система – это то решение, которое может стать основой инновационного пути развития государств-партнеров, содержать качественный и доступный цифровой контент, обеспечивать эффективность технологических процессов с использованием искусственного интеллекта.

Исследование понятия. В научной литературе, а также в нормативно-правовых документах не приводится понятие «цифровая IP-система». Вместе с тем базовые понятия – «система» [3], «интеллектуальная собственность»¹, «цифровизация» [4] имеют определенную степень научной разработанности, что позволяет, не вдаваясь в особенности, сформулировать рабочее определение исследуемого понятия. Так, под «цифровой IP-системой» следует понимать взаимодействующую совокупность цифровых элементов, способов цифровой обработки данных, а также институтов ее правового регулирования в целях регистрации, охраны, защиты и доступности (коммерциализации) результатов интеллектуальной деятельности.

При этом цифровыми элементами могут являться: базы данных, информационно-поисковые и справочные средства, реестры, интерфейсы, системы доступа и безопасности, гарантирующие надежность информации, данных и функционирования этой IP-системы. Кроме того, эти элементы могут иметь как национальные составляющие, так и наднациональную компоненту, объединенные в единую цифровую IP-систему.

Основным смыслом единой цифровой IP-системы является максимальное упрощение и автоматизация рутинных процессов, что, в свою очередь, ускоряет работу систем и обеспечивает удобство для пользователей [5]. Иными словами, цифровая система обеспечивает автоматизированное управление технологическими процессами. Отсюда цифровая IP-система применительно к Евразии в сфере ИС может быть представлена в двух видах: 1) как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих национальных и наднациональных элементов; 2) как совокупность цифровых элементов, распределенных не по признаку государств-участниц, а по содержанию цифровой системы.

Относительно первого вида следует подчеркнуть, что такой подход малопродуктивен для осмысления сущностной, содержательной, структурной и особенно функциональной стороны исследуемой системы, поскольку требует

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 16.08.2023).

раскрытия национальных систем и понимания возможностей их соединения на наднациональном уровне.

Второй подход компенсирует недостатки первого и позволяет определить наиболее существенные системные, структурные и функциональные свойства евразийской цифровой IP-системы.

Стратегические задачи по эффективному использованию и защите прав на результаты интеллектуальной и творческой деятельности требуют для широкого круга лиц достоверной и объемной информации в отношении того или иного объекта ИС, средства индивидуализации и результата творческой деятельности из мирового массива данных.

Исследование структуры. Существенным фактором для популяризации сферы ИС на евразийском пространстве станет размещение в открытых реестрах массива данных мирового фонда великих изобретений и результатов творческой деятельности, а общедоступность патентной и иной информации в режиме «одного окна» будет способствовать вовлечению в инновационные процессы молодых ученых, изобретателей, представителей творческих (креативных) индустрий.

В этой связи структура евразийской цифровой IP-системы предстает как «Евразийская IP-платформа» [6] – единая цифровая платформа с широким набором баз данных, информационно-поисковыми и справочными системами, а также распределенными реестрами (открытыми, закрытыми и специализированными), содержащими информацию о всех объектах ИС, авторского и смежных прав.

Для обеспечения заинтересованным лицам удобства в поиске информации, основанной на евразийских и национальных патентах и сведениях о зарегистрированных правах на результаты научной и творческой деятельности, о генезисе правомочий и их субъектном составе, анализе патентных ландшафтов, коммерциализации прав на результаты интеллектуальной деятельности и выявленных правонарушениях, в структуре «Евразийской IP-платформы» предлагается следующий основной набор баз данных с распределенными реестрами:

- база данных изобретений и полезных моделей с открытыми реестрами национальных и евразийских изобретений, полезных моделей, непатентной документации, а также закрытыми реестрами заявок на изобретения и полезные модели;

- база данных промышленных образцов с открытыми реестрами национальных и евразийских промышленных образцов, непатентной документации, а также закрытыми реестрами заявок на промышленные образцы;

- база данных товарных знаков с открытыми реестрами национальных и евразийских товарных знаков, национальных объектов культурного наследия, национальных официальных символов, наименований и отличительных знаков, евразийских фирменных наименований, заявок на регистрацию евразийского товарного знака;
- база данных национальных брендов (географических указаний (далее – ГУ) и наименований мест происхождения товара (далее – НМПТ)) с открытыми реестрами национальных брендов, наименований географических объектов, которые охраняются государствами-партнерами и охрана в качестве НМПТ и ГУ им не предоставляется;
- база данных евразийских доменных имен с открытыми реестрами национальных и евразийских доменных имен;
- база данных селекционных достижений с открытыми реестрами национальных и евразийских селекционных достижений, а также закрытым реестром евразийских заявок на селекционные достижения;
- база данных программ для ЭВМ (программного обеспечения) с открытыми национальными и евразийскими реестрами программ для ЭВМ;
- база данных топологий интегральных микросхем с открытыми национальными и евразийскими реестрами топологий интегральных микросхем;
- базы данных музыкальных произведений (с текстом и без текста) с открытыми национальными и евразийскими реестрами обнародованных произведений, обнародованных произведений, права на которые предлагаются к использованию (коммерциализации и лицензированию) или отчуждению (с целью продажи), а также национальными закрытыми реестрами необнародованных произведений;
- база данных научных произведений с открытыми национальными и евразийскими реестрами обнародованных произведений, обнародованных произведений, права на которые предлагаются к использованию (коммерциализации и лицензированию) или отчуждению (с целью продажи), а также национальными и евразийскими закрытыми реестрами необнародованных произведений и произведений, содержащих государственную тайну;
- база данных аудиовизуальных произведений с открытыми национальными и евразийскими реестрами обнародованных произведений, обнародованных произведений, права на которые предлагаются к использованию (коммерциализации и лицензированию) или отчуждению (с целью продажи), а также национальными закрытыми реестрами необнародованных произведений;

– база данных хореографических произведений и театрально-зрелищных постановок, с открытыми национальными и евразийским реестрами обнародованных произведений, обнародованных произведений, права на которые предлагаются к использованию (коммерциализации и лицензированию) или отчуждению (с целью продажи), а также национальными закрытыми реестрами необнародованных произведений;

– база данных произведений изобразительного искусства с открытыми национальными и евразийским реестрами обнародованных произведений, обнародованных произведений, права на которые предлагаются к использованию (коммерциализации и лицензированию) или отчуждению (с целью продажи), а также национальными закрытыми реестрами необнародованных произведений;

– база данных произведений архитектуры с открытыми национальными и евразийским реестрами обнародованных произведений, обнародованных произведений, права на которые предлагаются к использованию (коммерциализации и лицензированию) или отчуждению (с целью продажи), а также национальными закрытыми реестрами необнародованных произведений;

– база данных авторских рукописей литературных и музыкальных (иных текстовых) произведений с открытыми национальными и евразийским реестрами обнародованных произведений, обнародованных произведений, права на которые предлагаются к использованию (коммерциализации и лицензированию) или отчуждению (с целью продажи), а также национальными закрытыми реестрами необнародованных произведений;

– база данных исполнений и фонограмм с открытыми национальными и евразийским реестрами обнародованных исполнений и фонограмм, обнародованных исполнений и фонограмм, права на которые предлагаются к использованию (коммерциализации и лицензированию) или отчуждению (с целью продажи), а также национальными закрытыми реестрами необнародованных исполнений и фонограмм;

– база данных прав публикаторов с открытыми национальными и евразийским реестрами обнародованных публикаторами произведений, реестрами обнародованных публикаторами произведений, права на которые предлагаются к использованию (коммерциализации и лицензированию) или отчуждению (с целью продажи);

– база данных программ вещания с открытыми национальными и евразийским реестрами программ вещания теле- и радиопередач, в том числе права на которые предлагаются к использованию (коммерциализации и лицензированию) или отчуждению (с целью продажи);

– база данных сиротских (орфанных) произведений с национальными и евразийским реестрами сиротских (орфанных) произведений.

Кроме открытых и закрытых реестров по наиболее критичным отраслям науки, техники и гуманитарной сферы должны быть созданы евразийские специализированные реестры как наднациональные элементы евразийской цифровой IP-системы:

– Евразийский фармацевтический реестр;
– Евразийский реестр генетических ресурсов;
– Евразийский реестр «зеленых» технологий;
– Евразийский реестр архитектурных и дизайнерских решений;
– Евразийский реестр традиционных знаний, предметов и выражений фольклора, культурных ценностей и особо ценных объектов культурного наследия [7];

– Евразийский реестр депонированных, в том числе с функцией по депонированию, произведений искусства и литературы.

Евразийские открытые, закрытые и специализированные реестры должны быть интегрированы в единую информационно-поисковую и справочную систему и способствовать:

– эффективному внедрению новых объектов ИС, в том числе путем предоставления правовой охраны генетическим ресурсам, традиционным знаниям, предметам и выражениям фольклора, культурным ценностям и особо ценным объектам культурного наследия;

– стимулированию инновационной деятельности в социально важных и приоритетных отраслях экономики, а именно: «зеленые», или экологические, фармацевтические, медицинские, химические, продовольственные, сельскохозяйственные решения и разработки;

– созданию единой цифровой среды для творчества и инноваций;
– моделированию необходимых сценариев для оперативного и стратегического принятия решений как в отношении того или иного РИД или средства индивидуализации, так и в целом по управлению данной сферой.

Исследование функций. Функциональное предназначение «Евразийской IP-платформы» состоит в реализации многообразных функций этой системы, которые направлены на эффективное решение задач по регистрации, охране, защите и коммерциализации результатов интеллектуальной и творческой деятельности. При этом исполнение функций предпочтительно в автоматизированном режиме, что значительно сократит сроки обработки и увеличит точность идентификации объектов ИС.

Раскрыть функциональную сторону «Евразийской IP-платформы» возможно на примере разнообразного набора цифровых информационно-поисковых сервисов, которые позволят:

- пользователям получать необходимую и достоверную информацию в комфортном режиме;

- обеспечивать функционирование евразийской биржи интеллектуальных активов, в том числе за счет внедрения технологий и технических условий для коммерциализации интеллектуальных прав с созданием личных кабинетов патентообладателя или правообладателя, получения информации об объектах ИС, авторских прав, права на которые предлагаются к использованию или отчуждению, а также проведения оценки рыночной стоимости интеллектуальных и авторских прав, заключения сделок в электронном виде (совершать онлайн-регистрацию перехода прав или предоставления права использования РИД и средств индивидуализации, создавать и заключать договоры (смарт-контракты) по передаче таких прав, с их регистрацией и последующим сопровождением), а также развития механизмов по обеспечению залога интеллектуальных прав и их страхования;

- обеспечивать идентификацию и отслеживание использования объектов авторского и смежных прав, а также распределение собираемого в интересах правообладателей вознаграждения;

- осуществлять сбор статистической отчетности в сфере ИС государств-партнеров и выстраивание соответствующей рейтинговой системы для подготовки ЕАПВ ежегодного межправительственного доклада о состоянии и развитии ИС на евразийском пространстве.

Использование в «Евразийской IP-платформе» технологий искусственного интеллекта, машинного обучения, нейросетей, облачных вычислений, системы распознавания объектов, распределенных реестров способствует:

- межгосударственной кооперации в сфере ИС, взаимодействию с патентными и научно-техническими фондами на иностранных языках;

- оптимизации административных процедур ЕАПВ с национальными ведомствами в сфере ИС государств-партнеров, прозрачности взаимодействия с экспертным евразийским сообществом;

- повышению качества экспертизы, в том числе за счет применения искусственного интеллекта при проведении патентного поиска и патентной классификации, сравнении похожих изображений в заявленных объектах ИС, а также проведению процедур по экспертизе заявок, в том числе формальной, и предоставлению правовой охраны РИД и средствам индивидуализации в электронном формате в максимально сжатые сроки;

- снижению материальных затрат заявителей за счет использования цифровых форматов данных;
- обеспечению идентификации и отслеживанию использования объектов авторского права и смежных прав, в том числе в IP-телевидении, сети Интернет, OTT-сервисах и др., а также обоснованному распределению собираемого в интересах правообладателей вознаграждения;
- осуществлению машинного перевода патентной и другой необходимой информации на языки государств-партнеров и другие иностранные языки;
- своевременному выявлению потенциальных нарушений прав на объекты ИС, авторского права и смежных прав;
- повышению привлекательности евразийской экосистемы ИС для заинтересованных сторон.

Единые информационно-поисковые и справочные системы, удобные для пользователей и с достаточным объемом загруженных и опубликованных сведений, должны обеспечивать достижение целей посредством решения следующих задач:

- установления единых технических и технологических регламентов (требований к техническому оснащению и технологическому сопровождению цифровых процессов, наполнению и ведению патентных, архивных и иных фондов, формированию статистической отчетности и рейтинговых показателей);
- обеспечения открытости и доступности сведений о состоянии развития сферы ИС на евразийском пространстве, ее качественных характеристиках и количественных показателях;
- обеспечения обмена опытом между экспертами и специалистами национальных ведомств в сфере ИС, в том числе для выработки единого подхода к проведению патентных исследований и экспертиз;
- обеспечения своевременного выполнения пользователями объектов авторского и смежных прав договорных обязательств по выплате авторского вознаграждения;
- оптимизации процессов подбора и подготовки кадров для сферы ИС;
- внедрения механизма аутсорсинга по проведению патентной экспертизы между национальными ведомствами в сфере ИС, научными и образовательными организациями государств-партнеров;
- обеспечения оборота интеллектуальных прав на евразийском пространстве с трансграничным трансфером технологий посредством эффективного функционирования «евразийской биржи интеллектуальных активов»;

– предоставления правоохранительным и судебным органам информации о РИД и средствах индивидуализации при рассмотрении споров о нарушении прав из соответствующих патентов в автоматизированном формате, а также информирования широкого круга заинтересованных лиц о правоприменительной практике в данной области.

Эффективное функционирование евразийской цифровой IP-системы будет способствовать созданию новых технологических решений, в том числе в области дополненной и виртуальной реальности, визуализации данных и объектов интеллектуальных прав, других инстансов [8] цифровой среды. Цифровые средства евразийской цифровой IP-системы создадут технологическую основу для функционирования единого информационно-экспертного пространства в сфере ИС на национальных рынках и в евразийском пространстве.

Администрирование, технологическое обеспечение и техническое сопровождение цифровых процессов «Евразийской IP-платформы» возлагается на ЕАПВ, которое должно обеспечить в доступной форме эффективность взаимодействия национальных ведомств в сфере ИС государств-партнеров по принципу одной функциональной платформы (в режиме «одного окна»). ЕАПВ будет оказывать национальным ведомствам поддержку в цифровой трансформации и создании безопасной инфраструктурной площадки для единых IT-сервисов.

По решению ЕАПВ ряд функций по администрированию, технологическому обеспечению, техническому сопровождению цифровых процессов и формированию содержательного контента «Евразийской IP-платформы» могут быть переданы уже существующим государственным структурам, а также национальным ведомствам в сфере ИС государств-партнеров и подведомственным им организациям.

Заключение

Решение задач по созданию евразийской цифровой IP-системы позволит не только оптимизировать и автоматизировать процессы в сфере ИС, повысить качество проверки охраноспособности результатов интеллектуальной и творческой деятельности, но и осуществить запуск евразийской биржи интеллектуальных активов, результаты которой непосредственно отразятся на увеличении доли ИС в ВВП государств-партнеров.

Список источников

1. ФИПС: Количество заявок на регистрацию программного обеспечения выросло. URL:<https://www1.fips.ru/news/osnovnye-pokazateli-01072022/> (дата обращения 16.08.2023).
2. Пинчук А.В., Романова Л.Н. К вопросу экспертизы заявок на изобретение (полезную модель, промышленный образец): понятие и виды: сборник статей XXXV Международной научно-практической конференции. – М.: Актуальность РФ. 2021. С. 70–71.
3. Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL:<https://bre.mkrf.ru/> (дата обращения 16.08.2023).
4. Катрин Е.В. «Цифровизация»: научные подходы к определению термина // Вестник ЗабГУ. 2022. Т. 28. № 5. С. 49–54.
5. Кондратьева М.Н., Комахина А.В. Цифровизация: исследование основных терминов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 3 (165). С. 134–139.
6. Данилова Л.Н., Ледовская Т.В., Сольнин Н.Э., Ходырев А.М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 2. С. 5–12.
7. Пономарева Н.Г. Использование института интеллектуальной собственности для правовой охраны традиционных знаний, генетических ресурсов и выражений фольклора народов Евразии // Копирайт. 2022. № 4. С. 26–35.
8. Экономико-математический словарь: словарь современной экономической науки / Л. И. Лопатников. – М.: Дело. 2003.

References

1. FIPS: The number of applications for software registration has increased. URL:<https://www1.fips.ru/news/osnovnye-pokazateli-01072022/> (date of access: 16.08.2023) (in Russ.).
2. Pinchuk A.V., Romanova L.N. On the issue of examination of applications for an invention (utility model, industrial design): concept and types. / collection of articles of the XXXV international scientific-practical conference. Moscow: *Actuality RF Publ.* 2021. P. 70–71 (in Russ.).
3. Great Russian Encyclopedia. 2004–2017. URL:<https://bre.mkrf.ru/> (date of access: 16.08.2023) (in Russ.).

4. Katrin E.V. "Digitalization": scientific approaches to the definition of the term. *Vestnik ZabGU = Bulletin of ZabGU*. 2022. V. 28. No. 5. P. 49–54 (in Russ.).
5. Kondratieva M.N., Komakhina A.V. Digitization: An exploration of key terms. *Ekonomika i upravleniye = Economics and management*. 2022. No. 3 (165). P. 134–139 (in Russ.).
6. Danilova L.N., Ledovskaya T.V., Solynin N.E., Khodyrev A.M. Basic approaches to understanding digitalization and digital values. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2020. V. 26. No. 2. P. 5–12 (in Russ.).
7. Ponomareva N.G. The use of the Institute of Intellectual property for the legal protection of traditional knowledge, genetic resources and expressions of folklore of the peoples of Eurasia. *Copyright*. 2022. No. 4. P. 26–35 (in Russ.).
8. Dictionary of Economics and Mathematics: Dictionary of Modern Economic Science. Moscow: *Business Publ.* L.I. Lopatnikov. 2003 (in Russ.).

Статья поступила 11.09.2023, принята к публикации: 19.09.2023.

© Аракелова А.О., Золотов Г.Б., 2023

Раздел: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Научная статья

УДК: 338.24; 347.77; 347.78

Стратегические цели, задачи и направления развития интеллектуальной собственности на евразийском пространстве

Александра Олеговна Аракелова

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия,

доктор искусствоведения, заведующая кафедрой
общеобразовательных дисциплин, ректор,
alexandra@rgiis.ru,

<https://orcid.org/0009-0000-4628-0915>

Аннотация. В статье изложены основы формирования стратегических целей развития интеллектуальной собственности на евразийском пространстве. Методологическим ориентиром в исследовании являются научные подходы к определению базовых понятий, таких как стратегия, задачи, и некоторых других.

Формулируя цели, обосновывая необходимость постановки конкретных стратегических задач, автор предпринимает попытку структурировать основные стратегические направления деятельности по достижению целей стратегии развития интеллектуальной собственности на евразийском пространстве.

Ключевые слова: евразийское пространство, стратегия, стратегические цели, стратегические направления, развитие интеллектуальной собственности, направления реализации стратегии.

Финансирование: статья подготовлена в рамках НИР «Творческие (креативные) индустрии (по видам) как социально-экономический сегмент в государствах-членах ЕАЭС: состояние и перспективы» (2-ГЗ-2023).

Для цитирования: Аракелова А.О. Стратегические цели, задачи и направления развития интеллектуальной собственности на евразийском пространстве // IP: теория и практика. 2023. № 3. С. 56–66.

Strategic goals, objectives and directions of intellectual property development in the Eurasian space

Alexandra O. Arakelova

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia,
Doctor of Art History, Head of the Department
of General Educational Disciplines, Rector,
alexandra@rgiis.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-4628-0915>

Abstract. The article outlines the basis for the formation of strategic objectives of intellectual property development in the Eurasian space. Scientific approaches to the definition of basic concepts such as strategy, objectives and some others are the methodological reference point in the study.

The article is characterized by the fact that the author specifically formulates the goals, justifies the need to set specific strategic objectives.

The author made an attempt to structure the main strategic directions of activities to achieve the goals of the strategy of intellectual property development in the Eurasian space.

Key words: Eurasian space, strategy, strategic goals, strategic directions, intellectual property development, directions of strategy realization.

Funding: the paper was prepared as part of the research work "Creative industries (by type) as a socio-economic segment in the EAEU member states: state and prospects" (2-GZ-2023).

For citation: Arakelova A.O. Strategic goals, objectives and directions of intellectual property development in the Eurasian space // IP: theory and practice. 2023. No. 3. P. 56–66.

Введение

В условиях перехода к системе многополярных международных экономических отношений, цифровой трансформации национальных экономик, изменений в производственной и торгово-экономической сферах, перераспределения трудовых ресурсов создание общего пространства, гармонизация отношений в сфере интеллектуальной собственности на евразийском пространстве играет ключевую роль.

Стремление государств-партнеров евразийского региона к прорывному технологическому развитию посредством осуществления совместной

деятельности диктует необходимость выработки единых подходов к предоставлению надежной охраны, обеспечению защиты и созданию условий для коммерциализации прав на результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД). От эффективности решения этих вопросов зависит не только социально-экономическое развитие государств-партнеров, но и безопасность национальных экономик в противовес внешним вызовам и глобальным процессам.

Начало 2020-х годов характеризуется тревожными фактами в мировой системе интеллектуальной собственности: со стороны Еврокомиссии и недружественных государств применяется деструктивная практика введения односторонних нелегитимных мер по отношению к заявителям и правообладателям из Российской Федерации и Республики Беларусь; в нарушение международных обязательств патентным поверенным из Российской Федерации и Республики Беларусь отказывают в надлежащем предоставлении услуг, «замораживаются» заявки на предоставление охраны РИД и средствам индивидуализации. Неопределенность правового статуса таких заявок приведет к неполноте мировых данных об уровне техники, и эта неопределенность будет касаться всех пользователей системы интеллектуальной собственности и профильных ведомств.

Интеллектуальная собственность как стратегический ресурс, регулируя международные социально-экономические отношения, обеспечивает, тем самым, конкурентоспособность и безопасность национальных экономик, достойный и эффективный труд, успешное предпринимательство и развитие талантов.

Методы

В исследовании использована совокупность методов и методологических подходов и прогнозирования. Так, для исследования научных подходов к определению понятия «стратегия» применялись методы анализа, экстраполяции, аналогий; для обоснования стратегических целей использованы методы индукции, обобщения, для формулирования задач стратегии – функциональный подход. Структурный подход применен для определения основных направлений деятельности по стратегическому развитию интеллектуальной собственности на евразийском пространстве.

Основное исследование

Определение стратегических целей всегда сопряжено с понятиями, связанными с планированием в деятельности любой организации. Само понятие «стратегия» употребляется в самых различных смыслах на уровне теории и практики. Если на практическом уровне применение понятия

«стратегия» возможно в нестрогом виде, то для научного исследования строгость употребления этого понятия задает содержание и смысл перспективной деятельности.

Как правило, энциклопедические словари не имеют больших расхождений в толковании слова «стратегия». Так, например, в словаре С.И. Ожегова, как и в других словарях, это слово имеет несколько смыслов:

1. Наука о ведении войны, искусство ведения войны (применительно к теории военной стратегии);

2. Общий план ведения войны, боевых операций (победоносная стратегия);

3. Искусство руководства общественной, политической борьбой, а также вообще искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах (например, стратегия научного поиска) [1].

В словаре Т.Ф. Ефремовой имеется дополнение, которое придает еще один смысл слову «стратегия»: «искусство планирования какой-либо деятельности, основанное на точных прогнозах» [2]. Именно это толкование позволяет перенести понятие «стратегия» с военной на все иные сферы человеческой деятельности.

Понятие «стратегия» достаточно глубоко разработано в научных исследованиях [3; 4; 5] и имеет множество определений, которые в основном обусловлены исследовательскими целями и предметом познания или деятельности.

В научной литературе существуют два подхода к определению этого понятия. Сторонники первого под стратегией понимают конкретный долгосрочный план достижения некоторой цели (выработкой стратегии считают процесс нахождения некоторой цели и составление долгосрочного плана), а сторонники второго – долгосрочное качественно определенное направление развития предприятия, касающееся сферы, средств и формы его деятельности, системы внутрипроизводственных отношений, а также позиций предприятия в окружающей среде.

Однако и в первом, и во втором случае речь идет об общих признаках, таких как долгосрочность, развитие и цели. Иными словами, цель, а точнее стратегическая цель, является основополагающим элементом любой стратегии, при этом она наполняется конкретным содержанием, определяемым сферой или видом деятельности.

Такая методологическая посылка позволяет утверждать, что для сферы интеллектуальной собственности (далее – ИС) стратегия должна содержать цель. При этом следует подчеркнуть, что может быть не одна, а множество целей.

Исходя из проведенных исследований [6; 7] развития интеллектуальной собственности на евразийском пространстве, стратегическими целями могут быть:

- формирование евразийской экосистемы ИС для обеспечения эффективности интеграционных процессов;
- повышение значимости ИС как приоритетного сектора национальных экономик, полюса социального и культурного притяжения;
- рост конкурентоспособности национальных экономик, ВВП, усиление технологического суверенитета и самодостаточности государств-партнеров;
- обеспечение эффективного развития высокотехнологичных производств и услуг, творческих (креативных) индустрий, инвестиционной политики и экспортной деятельности государств-партнеров;
- усиление национальной безопасности государств-партнеров, приумножение человеческого капитала, создание новых рабочих мест.

Достижение указанных целей представляет собой организацию деятельности многих ведомств, организаций, управления и многого другого. Но такая деятельность требует упорядочения правовых, организационных, административных, финансовых и управленческих составляющих механизма реализации стратегии. Достичь такого состояния упорядоченности возможно через формулирование, постановку и решение задач.

Научное содержание понятия «задача» в основном определяется исследовательским подходом, в рамках которого и выявляются существенные признаки этого понятия. Так, например, в рамках деятельностного подхода задача рассматривается в зависимости от каждой практической ситуации, имеющей некоторый уровень конкретности, при котором цель можно считать задачей, но этот уровень, а значит, и соотношение «цель – задача», неоднозначны и ситуативны. Второй – субъектный подход рассматривает неразрывность субъекта и задачи [8]. Третий, модельный подход, рассматривает субъект и задачу как отдельные элементы [9].

Для целей настоящего исследования наиболее продуктивным является деятельностный подход, при котором задачи предопределяются состоянием ИС на евразийском пространстве.

Исходя из такого понимания задач и опираясь на известные исследования [10; 11], можно предложить следующие задачи стратегии развития интеллектуальной собственности на евразийском пространстве:

- создание нового, безбарьерного формата правового регулирования института ИС на евразийском пространстве посредством гармонизации

национальных систем патентования и регистрации средств индивидуализации, охраны и защиты авторских и смежных прав;

- расширение деятельности ЕАПО и ЕАПВ, с учетом обеспечения баланса интересов национальных ведомств в сфере ИС государств, присоединившихся к ЕАПК;

- стимулирование изобретательства и творчества, в том числе за счет материального поощрения и повышения социального статуса авторов, изобретателей и инноваторов;

- создание общей евразийской судебной системы по интеллектуальным правам, в том числе евразийского арбитража;

- создание евразийской цифровой IP-системы, гарантирующей заинтересованным пользователям широкий доступ к цифровому контенту информационных систем и справочных ресурсов по принципу «одного окна», а государствам-партнерам – содействие в обеспечении национальной безопасности и технологической независимости, в том числе посредством внедрения новых информационных моделей при предоставлении охраны, защиты и эффективной коммерциализации прав на результаты интеллектуальной и творческой деятельности;

- формирование общего евразийского информационно-экспертного пространства для обеспечения высокого качества и эффективности проведения патентного поиска и экспертизы, предоставления правовой охраны объектов ИС;

- внедрение эффективных механизмов для увеличения объемов евразийского патентования и регистрации объектов ИС, в том числе в формате евразийской «патентной коробки»;

- создание условий для продвижения национальных брендов, в том числе посредством введения единой процедуры предоставления исключительного права на товарный знак («Евразийский товарный знак», «Евразийский знак качества», «Сделано в Евразэс») и другие средства индивидуализации;

- создание условий для эффективного использования РИД в предпринимательской среде, развития евразийского рынка оборота прав на результаты интеллектуальной и творческой деятельности, в том числе посредством франчайзинга, повышения результативности НИОКТР, увеличения объемов венчурного финансирования;

- внедрение единых евразийских стандартов и механизмов по оценке стоимости прав на РИД и учету финансовых показателей;

- подготовка для евразийской экосистемы ИС высококвалифицированных кадров (специалистов и научных работников)

как основного сегмента человеческого капитала государств-партнеров, обеспечивающего конкурентоспособность национальных экономик;

– формирование культуры обращения с ИС, создание ключевой площадки (дискуссионной трибуны) для продвижения перспективных идей и проектов, открытого диалога политических деятелей, представителей научной и образовательной сферы, деловых и творческих сообществ государств-партнеров по актуальным вопросам в сфере ИС.

В основе формулирования основных направлений развития ИС на евразийском пространстве лежат известные исследования [12; 13]. Поэтому, исходя из ранее доказанных положений, можно выделить четыре основных направления.

Во-первых, создание общего евразийского правового и институционального пространства в сфере ИС.

От всех субъектов сферы ИС государств-партнеров евразийского пространства требуется понимание необходимости формирования единой правовой базы и выстроенной институциональной структуры, обеспечивающей администрирование вопросов ИС, объединенного информационно-экспертного пространства и общей евразийской юрисдикции в сфере ИС. Это обеспечит эффективность всего жизненного цикла объектов ИС: от аналитического прогнозирования перспективных для развития национальных экономик НИОКТР, предварительной оценки патентоспособности заявленного технического решения до коммерциализации и обеспечения эффективной защиты прав на результаты интеллектуальной и творческой деятельности.

Для формирования универсальных правовых норм необходимо юридическое признание того, что функцию евразийского исполнительного органа в сфере ИС выполняет ЕАПВ, в том числе по принятию самостоятельных решений по развитию сферы ИС, ее правовому регулированию и администрированию.

В целях обеспечения согласованных подходов, эффективного взаимодействия, учета интересов и потребностей государств-партнеров, определения приоритетных направлений по вопросам ИС следует расширить полномочия Административного совета ЕАПО, а также создать унифицированные нормы для эффективной работы судебной и внесудебной евразийской юрисдикции в сфере ИС как наднациональную систему по оспариванию решений ЕАПВ и защите прав правообладателей.

В государствах-партнерах необходимо укрепить статус национальных ведомств в сфере ИС, расширив их полномочия с учетом стратегических целей и задач, а также их подчиненности непосредственно правительствам.

Во-вторых, обеспечение комфортной среды для развития инновационной, изобретательской, патентно-лицензионной и творческой деятельности.

Такая среда должна базироваться на автоматизированных, интеллектуальных системах доступа к информации, интуитивно понятных интерфейсах, сопряжении наднациональной и национальных патентных систем.

В-третьих, создание евразийской цифровой IP-системы. Структура евразийской цифровой IP-системы предстает как «Евразийская IP-платформа» – единая цифровая платформа с широким набором баз данных, информационно-поисковыми и справочными системами, а также распределенными реестрами (открытыми, закрытыми и специализированными), содержащими информацию о всех объектах ИС, в том числе авторского и смежных прав.

Для обеспечения заинтересованным лицам удобства в поиске информации, основанной на евразийских и национальных патентах и сведениях о зарегистрированных правах на результаты научной и творческой деятельности, о генезисе правомочий и их субъектном составе, анализе патентных ландшафтов, коммерциализации прав на РИД и выявленных правонарушениях, в структуре «Евразийской IP-платформы» Стратегией-2035 предлагается следующий основной набор баз данных с распределенными реестрами.

В-четвертых, развитие человеческого капитала и культуры обращения с ИС. Для этого необходимо формирование на евразийском пространстве комплексной системы непрерывного образования в сфере ИС, способствующей достижению наивысших результатов по качеству образования, обеспечивающей евразийскую экосистему ИС достаточным количеством специалистов и научных работников, их конкурентоспособность на мировом рынке труда.

Для решения стратегических задач в области образовательной и научной политики на базе Российской государственной академии интеллектуальной собственности сформировать «Евразийский университет IP» (далее – Университет-IP) как базовый вуз для государств-партнеров по подготовке специалистов в сфере ИС, с Международным центром компетенций IP, обеспечивающим учебно-методическими материалами учебные дисциплины (модули) в области ИС и осуществляющим контроль за качеством освоения обучающимися общеобразовательных школ и вузов государств-партнеров соответствующего учебного материала.

Массовая интенсивная подготовка специалистов с компетенциями в сфере ИС для всех отраслей народного хозяйства (инженеров, научных работников, экономистов, маркетологов, юристов, бухгалтеров, управленцев и других специалистов, участвующих в жизненном цикле инновации) будет

способствовать стимулированию хозяйствующих субъектов к скорейшему внедрению новых технологий и разработок, созданию профессиональных сообществ по областям применения – евразийских патентных поверенных, евразийских экспертов по объектам ИС, специалистов евразийской судебной системы, оценщиков нематериальных активов, специалистов биржи прав ИС, а также содействию в обеспечении технологического суверенитета и национальной безопасности государств-партнеров.

Заключение

Развитие ИС на пространстве Евразии обусловлено состоянием национальных систем работы с РИД. Однако процесс развития вполне может быть управляемым и рационально организованным. Такую рационализацию может обеспечить постановка стратегических целей, разделяемых всеми государствами-участниками.

Формулирование и системное обеспечение решения стратегических задач требует упорядоченности деятельности всех заинтересованных участников развития интеллектуальной собственности. Такая упорядоченность возможна на основе структурирования ключевых направлений деятельности по развитию ИС на евразийском пространстве.

Список источников

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. 907 с.
2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. – М.: АСТ. 2005. Т. 1. 1168 с.
3. Просалова В.С., Смольянинова Е.Н. Теоретические подходы к формированию дефиниции стратегии // *π-Economy*. 2011. № 4 (127). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-formirovaniyu-definitsii-strategii> (дата обращения: 17.09.2023).
4. Голев В.И., Горин Р.М. Понятие стратегии. Классификация стратегий // *Вестник научных конференций*. 2016. № 8-2 (12). С. 20–22.
5. Стрелков А.Я. К определению понятия «государственная стратегия» // *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов*. 2014. № 5 (95). С. 126–128.
6. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / А.А. Богустов, В.Н. Глонина, М.А. Рожкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2018. 271 с.

7. Энтин В.Л. Интеллектуальная собственность в праве Европейского союза. – М.: Статут, 2018. 174 с.
8. Колягин Ю.М. Задачи в обучении математике. Часть 1. Математические задачи как средство обучения и развития. – М.: Просвещение. 1977. 111 с.
9. Курочкин А.И. Три группы определений понятия «Задача» // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/tri-gruppy-opredeleniy-ponyatiya-zadacha> (дата обращения: 17.09.2023).
10. Щербак Н.В. Право интеллектуальной собственности. Общее учение. Авторское право и смежные права. – М.: Юрайт. 2019. 310 с.
11. Ивлиев Г.П. Развитие сферы интеллектуальной собственности в свете «Основных направлений деятельности Правительства РФ до 2024 г.» // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2019. № 3. С. 5–16.
12. Шатковская Т.В. Основные направления государственной политики Российской Федерации в сфере интеллектуальной собственности // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. № 1 (1). С. 57–68. URL:<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-57-68> (дата обращения: 17.09.2023).
13. Томинец Л.В. Политика в области интеллектуальной собственности в условиях развития искусственного интеллекта: подходы и направление развития // *Advances in Law Studies*. 2022. № 2. С. 41–45. URL:<https://doi.org/10.29039/2409-5087-2022-10-2-41-45> (дата обращения: 17.09.2023).

References

1. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language / S.I. Ozhegov, N.Y. Shvedova; Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language, Russian Culture Foundation. – 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: *Az Publ.* 1994. 907 p. (in Russ.).
2. Efremova T. F. Modern explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: *AST Publ.* 2005. V. 1. 1168 p. (in Russ.).
3. Prosalova V.S., Smolyaninova E.N. Theoretical approaches to the formation of strategy definition. *π-Economy*. 2011. No. 4 (127). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-formirovaniyu-definitsii-strategii> (date of access: 17.09.2023) (in Russ.).
4. Golev V.I., Gorin R.M. The concept of strategy. Classification of strategies. *Vestnik nauchnykh konferentsii = Bulletin of scientific conferences*. 2016. No. 8-2 (12). P. 20–22 (in Russ.).
5. Strelkov A.Ya. To the definition of the concept of "state strategy". *Zhurnal nauchnykh publikatsiy aspirantov i doktorantov = Journal of Scientific*

Publications of Postgraduate and Doctoral Students. 2014. No. 5 (95). P. 126–128 (in Russ.).

6. *Tsivilisticheskaya kontseptsiya intellektual'noy sobstvennosti v sisteme rossiyskogo prava = Civilistic concept of intellectual property in the system of Russian law: a monograph* / A.A. Bogustov, V.N. Glonina, M.A. Rozhkova, etc.; ed. by M.A. Rozhkova. Moscow: *Statute Publ.* 2018. 271 p. (in Russ.).

7. Entin V.L. *Intellektual'naya sobstvennost' v prave Evropeyskogo soyuza = Intellectual property in the law of the European Union*. Moscow: *Statute Publ.* 2018. 174 p. (in Russ.).

8. Kolyagin Yu.M. *Zadachi v obuchenii matematike. Chast' 1. Matematicheskiye zadachi kak sredstvo obucheniya i razvitiya. = Tasks in teaching mathematics. Part 1. Mathematical tasks as a means of learning and development*. Moscow: *Prosveshchenie Publ.* 1977. 111 p. (in Russ.).

9. Kurochkin A.I. Three groups of definitions of the concept "Task". *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2016. No. 3. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/tri-gruppy-opredeleniy-ponyatiya-zadacha> (date of access: 17.09.2023) (in Russ.).

10. Scherbak N.V. *Pravo intellektual'noy sobstvennosti. Obshcheye ucheniye. Avtorskoye pravo i smezhnyye prava = Intellectual Property Law. General doctrine. Copyright and related rights*. Moscow: *Yurait Publ.* 2019. 310 p. (in Russ.).

11. Ivliev G.P. Development of the intellectual property sphere in the light of the "Main directions of the RF Government activity until 2024". *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost' = Intellectual Property. Industrial property*. 2019. No. 3. P. 5–16 (in Russ.).

12. Shatkovskaya T.V. Main directions of the state policy of the Russian Federation in the field of intellectual property. *Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti = Legal order and legal values*. 2023. No. 1 (1). P. 57–68. URL:<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-57-68> (date of access: 17.09.2023) (in Russ.).

13. Tominets L.V. Policy in the field of intellectual property in the conditions of artificial intelligence development: approaches and direction of development. *Advances in Law Studies*. 2022. No. 2. P. 41–45. URL:<https://doi.org/10.29039/2409-5087-2022-10-2-41-45> (date of access: 17.09.2023) (in Russ.).

Статья поступила 18.09.2023, принята к публикации: 21.09.2023.

© Аракелова А.О., 2023

Раздел: ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Научная статья
УДК: 65.011.42

Особенности ноу-хау как объекта интеллектуальной собственности и подходы к его коммерциализации

Сергей Владимирович Ливитский

Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия,
аспирант,
livitskiy@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4393-6664>

Аннотация. В статье рассматривается понятие «ноу-хау», его особенности как результата интеллектуальной деятельности. Анализируются требования закона, которым оно должно соответствовать. Раскрываются некоторые аспекты обеспечения конфиденциальности, оценки коммерческой ценности. Даются практические рекомендации по сохранению в тайне секрета ноу-хау. Описываются основные способы коммерциализации исключительных прав на ноу-хау.

Ключевые слова: ноу-хау, коммерческая тайна, коммерциализация, секрет производства, коммерческая ценность.

Для цитирования: Ливитский С.В. Особенности ноу-хау как объекта интеллектуальной собственности и подходы к его коммерциализации // IP: теория и практика. 2023. № 3. С. 67–81.

Original article

Distinctive features of know-how as an object of intellectual property and approaches to its commercialization

Sergey V. Livitsky

Russian State Academy of Intellectual property, Moscow, Russia,
Postgraduate Student,
livitskiy@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4393-6664>

Abstract. The article explains the basic concepts of know-how, indicates its features as a result of intellectual activity. The requirements are considered, which, in accordance with the law, it must comply with. Some aspects of ensuring confidentiality and assessing commercial value are disclosed. Practical recommendations are given for keeping the secret of know-how secret. The main methods of commercialization of exclusive rights to know-how are described.

Key words: know-how, trade secret, commercialization, production secret, commercial value.

For citation: Livitskiy S.V. Distinctive features of know-how as an object of intellectual property and approaches to its commercialization // IP: theory and practice. 2023. No. 3. P. 67–81.

Введение

Современные тенденции в экономике Российской Федерации, не связанные с продажей природных ресурсов, делают крайне необходимым развитие отношений, роль и значение которых проявляются как в активном инновационном развитии хозяйствующих субъектов, так и в сферах международной и внутренней торговли лицензиями.

Разработка и использование новых инновационных технологий и ведение бизнеса, в основе которого всегда лежат новые знания как результат интеллектуальной деятельности (далее – РИД) человека, требует внимательного отношения к вопросам защиты прав на такие достижения, в частности умелого использования предоставляемых законодательством различных форм правовой охраны.

Основное исследование

Патентование как способ охраны прав на РИД имеет много плюсов для предприятия, однако оно не всегда является оптимальным решением. Зачастую патентование не решает всех вопросов, связанных с обеспечением монопольного преимущества на рынке. При осуществлении инновационной деятельности также применим способ защиты прав на РИД в форме секрета производства или ноу-хау. При этом конкурентное или монопольное преимущество обеспечивается как за счет улучшающих свойств инновации, а также за счет сохранения в секрете определенных сведений об этих свойствах. Вместе с тем инновационные продукты могут содержать объекты авторского и смежных прав, патентного права и ноу-хау в любом сочетании.

В международной практике возрастает количество лицензионных договоров на передачу прав на ноу-хау. Если в середине 70-х годов прошлого

века только около 25–30% лицензионных договоров было основано на передаче исключительного права на ноу-хау, то с середины 1990-х годов количество таких договоров держится на уровне 50% [1].

Являясь одним из РИД, ноу-хау имеет ряд отличий от других видов интеллектуальной собственности, что делает необходимым осуществление дифференцированного подхода к методам коммерциализации прав на него.

Российское законодательство признает ноу-хау одним из РИД наравне с изобретениями, полезными моделями и промышленными образцами и защищает интересы владельца РИД, но различия в правах при использовании патента или ноу-хау очень существенны. Их особенности должны быть выявлены и учтены при выборе способа охраны права на РИД и дальнейшей организации инновационной деятельности.

Сам термин «ноу-хау» впервые зафиксирован в 1916 г. на одном из судебных процессов в США и означает сокращение выражения «to know how to do it» (знаю, как это делать). Синонимом «ноу-хау» являются: производственный, коммерческий, технический секрет, конфиденциальная, закрытая информация, коммерческая тайна. Такое разнообразие терминов является следствием различных подходов к определению сути ноу-хау в законодательствах различных стран, методов использования и защиты.

В российском законодательстве описание ноу-хау, которое содержится в ст. 1465 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), почти тождественно определению «информации, содержащей коммерческую тайну»¹. Несмотря на то, что коммерческая тайна охватывает все виды сведений в вышеуказанном определении, а не только сведения в научно-технической сфере, она не является более широким понятием по отношению к ноу-хау, так как:

1. Введение режима коммерческой тайны может осуществляться как один из вариантов сохранения конфиденциальности ноу-хау.

2. У владельца ноу-хау возникает исключительное право, которым он может распоряжаться как интеллектуальной собственностью.

О.В. Добрынин занимает аналогичную позицию, отмечая, что, хотя признаки ноу-хау относятся и к коммерческой тайне, нельзя сказать, что ноу-хау полностью исчерпывается коммерческой тайной. Ноу-хау, в отличие от коммерческой тайны, является РИД, и его потенциальная ценность не связана с определенным бизнесом [2].

Важная особенность отличает ноу-хау от прочих сведений, и это не их содержание, а особый правовой статус. Ноу-хау, с одной стороны, охраняется как РИД, на который у правообладателя возникают

¹ Часть 2 ст. 3 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне». URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/ea6f7bb32cdb797dc30aca18be2a215cd0211ad2/.

исключительные права, а с другой стороны, – это конфиденциальная информация, охрана которой осуществляется путем установления режима конфиденциальности, в т.ч. коммерческой тайны.

Определим, что может охраняться в режиме ноу-хау. Ноу-хау представляет собой сведения – научные, технические, коммерческие, управленческие, финансовые и другие, которые используются в чем-либо бизнесе и дают возможность получить преимущество перед конкурентами. Это может быть формула химического соединения, процесс производства, обработки или сохранения материалов, модель машины или другого устройства.

Как отмечает Н.В. Нестерова, коммерчески значимая информация (например, информация о клиентах, поставщиках, источниках финансирования, маркетинговых планах и т.п.) исключена из области правовой охраны в качестве РИД и может охраняться, в том числе, в режиме коммерческой тайны [3]. Ю.И. Буч определяет, что главным образом под ноу-хау понимают сведения технического характера, что в определенной степени связано с историей появления данного термина, когда в лицензионных сделках так стали называть дополнительные сведения, которые не были раскрыты в патентном описании, но которые позволяли наилучшим образом использовать изобретение [4]. И.С. Мухамедшин высказывает мнение, что ноу-хау выступает «альтернативой патентной формы охраны технических решений» [5].

В режиме ноу-хау может охраняться изобретение или процесс, которым может быть предоставлена патентная охрана, однако решение о патентовании может быть не принято в связи с тем, что:

1. В патентной документации содержится подробное описание устройства или процесса, которые можно воспроизвести с помощью отличающихся деталей, заменимых химических соединений. Используя известные данные, конкуренты могут с небольшими затратами вывести на рынок изделие, которое будет незначительно отличаться от ранее запатентованного, не нарушив чужих прав. Охраняя информацию об устройстве или процессе в режиме ноу-хау, организация сохраняет конкурентное преимущество на рынке.

2. В настоящий момент патентование нецелесообразно и отложено на более поздний срок, например, в соответствии с выбранной тактикой патентной стратегии при выводе на рынок новой продукции. Под патентной стратегией понимается совокупность действий, запланированных руководством организации, по охране, защите и использованию РИД с целью получения конкурентных преимуществ на рынке. Патентная стратегия определяет,

каким образом, на какой территории, в какой последовательности будет охраняться РИД.

3. Осуществляется только внутреннее использование в производственном процессе или для проведения НИОКР. Важным условием при этом является возможность сохранения ноу-хау в тайне.

Также режим ноу-хау используется, например, для охраны изобретений, которые по тем или иным причинам не соответствуют вовсе или на данном этапе требованиям патентоспособности. Например, для соблюдения условий получения патента устройство должно «иметь изобретательский уровень и быть промышленно применимо» (п. 1 ст. 1350 ГК РФ). Ноу-хау может быть просто инженерным усовершенствованием [6].

Другим важным условием, определяющим режим ноу-хау, является наличие действительной или потенциальной коммерческой ценности вследствие неизвестности ее третьим лицам.

Чтобы не быть «общеизвестным», предполагаемое ноу-хау должно быть тайной для некоторых сторон, которые были бы заинтересованы в получении этой тайны. Р.М. Милгрэм считает, что в случае, если характеристики продукта легко определяются из самого продукта теми, кто не несет обязательств по сохранению конфиденциальности, они не будут считаться неизвестными, следовательно, не могут составлять ноу-хау [6]. Это не произойдет и в том случае, когда информация ранее была полностью раскрыта без ограничений на дальнейшее распространение.

Необходимо отметить следующее: независимое получение той же информации третьей стороной само по себе не означает, что эта информация является общеизвестной. То есть, если другая организация имеет такую же информацию, но сохраняет ее в секрете, такая информация может обладать коммерческой ценностью и быть ноу-хау.

В отличие от патента, исключительными правами на ноу-хау независимо друг от друга могут обладать несколько лиц, если ноу-хау получено законными способами, например, в результате самостоятельных исследований, с получением одинакового результата или с помощью «обратного инжиниринга» незапатентованного продукта.

Ноу-хау имеет коммерческую ценность, если дает ее владельцу конкурентное преимущество, как если бы придавало продукту качества, не имеющие себе равных на рынке. Ноу-хау не обязательно должно стать основой конкретного бизнеса, чтобы иметь коммерческую ценность. Для этого достаточно того, что неправомерный доступ к секрету несправедливо принесет лицу выгоду на конкурентном рынке или его копирование потребует затрат, времени и усилий. В качестве определения коммерческой ценности

информации можно учитывать ту цену, которую конкурент заплатил бы, если приобретал бы ее на рыночных условиях или разрабатывал самостоятельно.

Потенциальная коммерческая ценность ноу-хау может быть установлена, даже если права на ноу-хау не были реализованы владельцем ранее. Это не исключает возможности их использования в бизнесе в более позднее время. Например, при нахождении источника финансирования производства, дальнейшей доработки или реализации лицензии.

Еще одним существенным условием для ноу-хау является отсутствие у третьих лиц свободного доступа к сведениям, составляющими ноу-хау на законном основании. Это означает, что третье лицо, используя законные методы ведения бизнеса, не имеет возможности получить сведения, составляющие ноу-хау, например, из открытых источников, из описания товара или путем изучения образца.

При этом нужно отметить, что лицо, которое добросовестно и независимо от других обладателей секрета производства стало обладателем сведений, составляющих содержание охраняемого секрета производства, приобретает самостоятельное исключительное право на этот секрет производства. По мнению И.С. Мухамедшина, под добросовестностью следует понимать законность основания приобретения ноу-хау, исключающую нарушение прав и законных прав обладателя исключительных прав на него [7].

Неправомерное приобретение имеет место, когда оно совершено лицом, которое знает или должно было знать, что приобретение было совершено ненадлежащими средствами. Р.М. Милгрэм, указывает, что незаконным присвоением не является приобретение коммерческой тайны без противоправного поведения, которое может иметь место, например, когда кто-то покупает объект, не зная, что этот объект раскрывает коммерческую тайну другого лица. Работодатель не получает неправомерно коммерческую тайну, просто наняв работника, который владел, но не раскрывал и не использовал коммерческую тайну бывшего работодателя [6].

Наконец, условием, определяющим ноу-хау, является то, что его обладатель принимает разумные меры для соблюдения конфиденциальности сведений, в том числе путем введения режима коммерческой тайны. Соблюдение конфиденциальности сведений, составляющих содержание ноу-хау, является особо важным условием для сохранения исключительного права на секрет производства, так как с момента утраты конфиденциальности таких сведений исключительное право на секрет производства прекращается у всех правообладателей. Формально можно соблюдать конфиденциальность ноу-хау без введения режима коммерческой тайны, однако при необходимости именно соблюдение этого условия поможет доказать, что конкретная

информация является ноу-хау, так как критерии коммерческой тайны понятны и полностью описаны в соответствующем законе.

А.Т. Волков выделяет следующие негативные последствия, вызванные раскрытием коммерческой тайны: отмена переговоров и упущение возможности заключения выгодного контракта; невыполнение обязательств, предусмотренных договорами; необходимость проведения дополнительных исследований и разработки новой стратегии; отклонение от коммерческих и технических решений вследствие утечки информации; конкурентное использование сведений о фирме для противодействия; сокращение затрат конкурентов на исследования и разработки [8].

Для установления режима коммерческой тайны в соответствии со ст. 10 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» в отношении определенных сведений необходимо принять следующие меры:

1. Определиться с тем объемом информации, который составляет ноу-хау. При этом следует учитывать, что в большинстве случаев ноу-хау частично раскрывается при продвижении продукта на рынке. С целью соблюдения баланса интересов между информированием потенциальных покупателей о продукте и соблюдением тайны владельцу ноу-хау необходимо разделить сведения, которые он готов раскрыть потенциальным покупателям (открытая часть), и которые будут охраняться в режиме коммерческой тайны (закрытая часть). В дальнейшем нужно очень внимательно готовиться к выставкам и презентациям, заранее проработав объем информации, которая будет открыта. Делать это нужно, учитывая ранее открытую информацию, с тем чтобы конкуренты не смогли «сложить пазлы» из разрозненной информации.

2. Физически ограничить доступ к этой информации, например, путем перемещения в сейф или в специальное помещение с ограниченным доступом, переноса содержащих ноу-хау сведений на отдельные компьютеры, надежной идентификации и аутентификации пользователей в компьютерной сети, разграничения их прав доступа к информационным ресурсам, и т.п.

3. На материальном носителе вести учет лиц, получивших доступ к информации, составляющей коммерческую тайну, и (или) лиц, которым такая информация была предоставлена или передана. В основном это касается сотрудников организации, использующей ноу-хау, и сторонних технических специалистов, обслуживающих оборудование, использующее тайну. Важно не только подписать с сотрудниками документ о неразглашении коммерческой тайны, но еще доказать, что они ознакомились с определенными сведениями. В случае с контрагентами целесообразно осуществлять передачу

или предоставление сведений о ноу-хау путем составления приложений к соответствующим договорам, например, актов приема-передачи.

4. Ознакомить работников с положением о коммерческой тайне организации, прописать в трудовых договорах или дополнительных приложениях необходимость соблюдения конфиденциальности и правовые последствия ее нарушения, как в период работы в организации, так и после завершения трудовых отношений. Также нужно подробно расписать, что может являться нарушением, для того, чтобы нарушение не произошло по незнанию или недопониманию. Это является одним из важнейших вопросов по соблюдению конфиденциальности, так как зачастую утечка конфиденциальной информации осуществляется через действующих или бывших работников организации. В.О. Калятин считает, что какие-либо требования по сохранению информации в тайне можно предъявлять к работнику только в том случае, если он будет уведомлен о «секретном» характере информации [9].

Что касается работы с контрагентами, которым частично или полностью раскрывается ноу-хау, желательно уже в начале переговоров заключать соглашение о конфиденциальности, по которому контрагент берет на себя обязательство обеспечивать конфиденциальность полученных сведений, как на всем протяжении сотрудничества, так и после его завершения.

5. На соответствующие материальные носители, содержащие коммерческую тайну, нанести гриф «Коммерческая тайна», указать ее обладателя и контактную информацию, включая адрес.

Меры по охране конфиденциальности информации признаются разумно достаточными, если:

1) запрещается доступ к коммерческой тайне для любых лиц без разрешения ее владельца. Необходимо учитывать, что в случае судебного разбирательства стороне, чьи права были нарушены, не нужно доказывать использование всеобъемлющих и дорогостоящих мероприятий для защиты от промышленного шпионажа, а лишь подтвердить применение доступных защитных мер. Например, усилия, которые могут быть разумными для крупной корпорации, не обязательны для меньшего предприятия, а усилия, которые были разумными в один момент времени, могут оказаться неразумными в другой. Критериями оценки могут быть: ценность информации для собственника и конкурентов, размер средств, израсходованных на разработку, степень новизны. При этом нужно учесть, что для защиты нарушенных интересов в суде в любом случае крайне желательно использовать весь комплекс мер, предусмотренный законодательством для защиты коммерческой тайны;

2) сохраняется возможность использования информации работниками или третьими лицами без нарушения установленного режима конфиденциальности, например, с помощью описанных выше организационных и технических мероприятий внутри организации и составления необходимых соглашений с контрагентами.

Как показывает судебная практика, принятие необходимых в силу закона и дополнительных мер необходимо для защиты нарушенного права.

В своем исследовании В.Ю. Паздерова описывает, что формально наличие права на ноу-хау может быть удостоверено документами, подтверждающими:

- наличие исключительных прав и контроль над использованием ноу-хау, включая договоры на получение прав от третьих лиц².
- использование ноу-хау в производстве (акты внедрения, заключения об использовании и другие);
- содержание и оборотоспособность ноу-хау (техническая документация, инструкции и т.д.);
- коммерческую ценность ноу-хау (расчеты экономической эффективности, производственные показатели до и после внедрения, технико-экономические обоснования, экспертные заключения и другие) [10].

Ноу-хау может быть учтено в бухгалтерском балансе организации как нематериальный актив наряду с изобретениями и полезными моделями. С.Ю. Ляпина отмечает, что для внесения к учету результата научно-технической деятельности, полученного в качестве нематериального актива, необходимо подтвердить (в том числе и документально) его коммерческую направленность, то есть те виды деятельности, от которых вследствие использования этого нематериального актива будут поступать доходы [11].

Российским законодательством для различных РИД предусмотрены конкретные процедуры, в результате которых возникает и прекращается исключительное право. В отношении ноу-хау можно сделать вывод, что исключительное право возникает в момент принятия всех предусмотренных законом мер и далее действует до тех пор, пока сохраняется конфиденциальность сведений, составляющих его содержание. Надо отметить, что такое право прекращается у всех правообладателей, независимо от того, по чьей вине произошло нарушение конфиденциальности и вне зависимости от обстоятельств, приведших к разглашению. Л.В. Кожитов и Т.В. Райкова считают, что «срок действия исключительного права на ноу-хау зависит от срока существования совокупности всех признаков ноу-хау, установленных

² Приказ Минфина России от 27.12.2007 № 153н (ред. от 16.05.2016) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007)».

в статье 1465 ГК РФ» [12]. Ноу-хау может потерять свой действительный конфиденциальный характер даже не в силу разглашения, а в силу того, что информация, составляющая содержание ноу-хау, устареет и перестанет быть коммерчески ценной [13].

Основной целью получения РИД является возникновение конкурентного преимущества при продаже товаров и оказании услуг. Как отмечает А.Т. Волков, «в условиях рыночной экономики для обеспечения покупательского спроса необходимо предлагать потребителю такой товар (услугу), который другие производители не могут предложить в силу различных обстоятельств, либо производить и выводить на рынок то же, что и другие производители, но качественнее и по более низкой цене» [14]. Эти задачи успешно решаются путем коммерциализации исключительных прав на РИД. Под коммерциализацией следует понимать целенаправленный процесс преобразования научного знания в новый продукт, технологию, услугу и их последующего вовлечения в хозяйственный оборот с позиции решения потенциальных проблем и удовлетворения потребностей потребителей в данных продуктах, технологиях и услугах в обмен на коммерческую выгоду образовательной организации [15].

Коммерциализация прав на ноу-хау может осуществляться следующими способами:

1. Самостоятельное использование в инновационной деятельности при производстве продукции, оказании услуг, выполнении НИОКР. Выбор этого варианта при наличии у организации необходимого финансирования, материально-технической базы и соответствующего персонала дает возможность получить максимальную прибыль. В процессе инновационной деятельности вырабатывается производственный опыт, растут компетенции в области маркетинга.

2. Отчуждение исключительного права. Эта форма представляет собой процесс отчуждения-присвоения интеллектуального продукта, прав собственности на него. Отчуждение исключительного права на ноу-хау не подлежит государственной регистрации в отличие от случаев отчуждения исключительного права на другие РИД, например, полезные модели, промышленные образцы.

3. Передача прав на использование ноу-хау на основании лицензионного договора. По данному договору одна сторона предоставляет право на использование ноу-хау другой стороне, выплачивается вознаграждение в форме роялти или паушальных платежей. Способ может быть предпочтителен с финансовой точки зрения, при отсутствии

возможности самостоятельного применения. Если лицензионным договором не предусмотрено иное, лицензия предполагается простой (неисключительной).

4. Передача прав по договору концессии (франчайзинг). Правообладатель может предоставить право использовать ноу-хау в составе комплекса принадлежащих ему исключительных прав по договору коммерческой концессии. Обязательным условием, отличающим договор концессии от лицензионного договора, является также передача прав на использование товарного знака.

5. Лизинг. При осуществлении коммерциализации таким способом осуществляется аренда продукции с компонентами ноу-хау на определенной территории, используемой в коммерческих или производственных целях. Действуя на основе договора, лизингодатель закрепляет за собой ряд прав на владение и распоряжение объектом интеллектуальной собственности. Например, это может быть передача оборудования с установленным программным обеспечением, охраняемым в режиме ноу-хау.

6. В качестве дополнения к передаваемой лицензии. Очень часто организациями используется стратегия, при которой, например, устройство может быть запатентовано, а вычислительные процессы или химические соединения, используемые в этом устройстве, остаются в тайне. При этом, в случае продажи лицензии, ноу-хау не выступает самостоятельным продуктом, а сопутствует лицензии. Например, в виде предоставления дополнительных сведений, которые позволяют достичь экономических максимальных показателей запатентованных изделий. Также ноу-хау может быть использовано при инжиниринге, то есть оказании технических консультационных услуг, связанных с разработкой, подготовкой и обеспечением запланированного процесса производства и реализации продукции, наладке оборудования.

7. Внесение в уставный капитал создаваемого предприятия. Этот способ получил широкое распространение при коммерциализации российскими образовательными организациями результатов НИОКР в соответствии с 217-ФЗ³. С этой целью создается малое инновационное предприятие (далее – МИП), куда образовательная организация в качестве взноса в уставный капитал вносит РИД. Целью деятельности такого МИП является доведение знаний, научных исследований и разработок до внедрения в виде товаров и услуг на рынки их дальнейшего распространения в общественном производстве [16].

³ Федеральный закон от 02.08.2009 № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности».

8. В качестве оплаты акций (доли участия) совместных предприятий.

9. Залог исключительных прав на ноу-хау. Здесь следует выделить два варианта залога:

– при привлечении инвестиций. Инвестор вкладывает деньги в развитие предприятия и в качестве обеспечения их возврата получает в залог права на принадлежащую фирме интеллектуальную собственность;

– при привлечении кредитных средств в банке. Необходимость государственной регистрации залога права на ноу-хау в Роспатенте отсутствует. Залог ноу-хау в банках практически не используется в связи с такими сложностями, как оценка и реализация предмета залога, а также отсутствием контроля банка за сохранением должником и третьими лицами конфиденциальности ноу-хау.

Коммерциализация прав на ноу-хау имеет особенности и отличия от других РИД на всех этапах. Прежде всего это связано с необходимостью сохранять в тайне суть ноу-хау. При самостоятельном использовании в производстве или оказании услуг необходимо обеспечить соблюдение конфиденциальности на предприятии. Помимо юридических и технических способов защиты нужно продумать механизм стимулирования авторов ноу-хау и сотрудников, работающих с ним. При продаже лицензии, лизинге, франчайзинге, кроме перечисленных мер нужно учитывать особенности при рекламе продукции или услуг, содержащих ноу-хау, заключении предварительных и основных договоров и заранее изучать возможности предполагаемых контрагентов по сохранению тайны ноу-хау.

Коммерциализация РИД, в том числе ноу-хау, должна осуществляться с учетом продуманной патентной стратегии. При разработке патентной стратегии компании следует учитывать, как технические, так и коммерческие аспекты изобретения. Это включает оценку степени инновационности изобретения, его коммерческого потенциала, конкурентного окружения и возможные будущие направления развития технологии. Патентная стратегия должна быть гибкой и динамичной, чтобы адаптироваться к изменениям на рынке и в технологической среде. Она также должна учитывать бюджетные ограничения компании.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что ноу-хау может быть очень важным инструментом для бизнеса большого предприятия или являться основой инновационной деятельности малого предприятия. Его несанкционированное раскрытие может повлечь не только потерю конкурентного преимущества на рынке, но и даже привести к банкротству. В связи с этим ресурсы для защиты информации не должны выделяться

по остаточному принципу, а планироваться и выделяться в объеме, достаточном для поддержания ее конфиденциальности. Очень важно, чтобы стратегия использования ноу-хау как РИД была детально продумана на всех этапах коммерциализации с учетом его особенностей для максимально эффективного использования.

Список источников

1. Батычко В.Т. Международное частное право: конспект лекций. – Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2011. URL:http://www.aup.ru/books/m233/13_5.htm (дата обращения: 17.09.2023).
2. Добрынин О.В. Особенности правовой регламентации ноу-хау: диссертация ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2003. 180 с.
3. Нестерова Н.В. Особенности правового режима ноу-хау на примере российского, зарубежного и международного опыта: диссертация ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2018. С. 24.
4. Буч Ю.И. Основные понятия и практика применения Ноу-хау // Инновации. 2020. № 6 (260). С. 112.
5. Мухамедшин И.С. Новое в правовой охране коммерчески ценной информации в режиме конфиденциальности // Патенты и лицензии. 2014. № 8. С. 5–8.
6. Roger M. Milgrim, *Milgrim on Trade Secrets* / Matthew Bender, Incorporated, a member of LexisNexis, 2002, §15.01. P. 4–15.
7. Мухамедшин И.С. Еще раз о правовом статусе ноу-хау // Патенты и лицензии. 2013. № 9. С. 17–20.
8. Волков А.Т., Павлов А.В. Управление интеллектуальной собственностью: учебное пособие / Под редакцией Б.Н. Киселева. – М.: Инфра-М. 2000. С. 11–12.
9. Калятин В.О. Режим секрета производства в гражданском праве // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 77–82.
10. Паздерова В.Ю. Ноу-хау как объект бухгалтерского учета // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 4. С. 4.
11. Ляпина С.Ю. Организация и практика инновационной деятельности, правовые и экономические аспекты коммерциализации результатов научно-технической деятельности университетов при создании МИП // Глобальная энергия. 2013. Вып. 4 (183). С. 177.
12. Кожитов Л.В., Райкова Т.В. Охрана интеллектуальной собственности – основа коммерциализации результатов научно-технической деятельности // Инновации. 2011. № 11. С. 10–17.

13. Нестерова Н.В. Диссертация кандидата юридических наук на тему: Особенности правового режима ноу-хау на примере российского, зарубежного и международного опыта / Москва. 2018. С. 56.

14. Волков А.Т., Гуреев П.М., Дуненкова Е.Н., Онищенко С.И. Основы коммерциализации технологий: Учебник. – М.: РУСАЙНС. 2021. С. 11.

15. Клементьев Г.А., Огороков В.Р., Тимофеева А.А. Управление организацией в меняющемся мире: монография / Под ред. В.Р. Огорокова, Ю.А. Соколова. – СПб.: Изд-во Политехн. института. 2012. 362 с.

16. Белоцерковский А.В., Каплунов И.А., Кожитов Л.В., Лиев Р.А., Попкова А.В., Создание и деятельность малых инновационных предприятий по 217-ФЗ // Инновации. 2017. № 12 (230). С. 18.

References

1. Batychko V.T. Private international law, Lecture notes. Taganrog: TTI SFU, 2011. URL:http://www.aup.ru/books/m233/13_5.htm (date of access: 17.09.2023) (in Russ.).

2. Dobrynin O. *Osobennosti pravovoy reglamentatsii nou-khau = Features of legal regulation of know-how*. Dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Moscow. 2003. 180 p. (in Russ.).

3. Nesterova N.V. *Osobennosti pravovogo rezhima nou-khau na primere rossiyskogo, zarubezhnogo i mezhdunarodnogo opyta = Features of the legal regime of know-how on the example of Russian, foreign and international experience*. Dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Moscow. 2018. P. 24. (in Russ.).

4. Butch Yu.I. Basic concepts and practice of applying Know-how. *Innovatsii = Innovations*. 2020. No. 6 (260). P. 112 (in Russ.).

5. Mukhamedshin I.S. New in the legal protection of commercially valuable information in the confidentiality mode. *Patenty i litsenzii = Patents and licenses*. 2014. No. 8. P. 5–8 (in Russ.).

6. Roger M. Milgrim, *Milgrim on Trade Secrets* / Matthew Bender, Incorporated, a member of LexisNexis, 2002, §15.01. P. 4–15.

7. Mukhamedshin I.S. Once again about the legal status of know-how. *Patenty i litsenzii = Patents and licenses*. 2013. No. 9. P. 17–20 (in Russ.).

8. Volkov A.T., Pavlov A.V. *Upravleniye intellektual'noy sobstvennost'yu = Intellectual Property Management*. Study Guide / Edited by B.N. Kiselev. Moscow: *Infra-M Publ.*, 2000. P. 11–12 (in Russ.).

9. Kalyatin V.O. The regime of the secret of production in civil law. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal = National Psychological Journal*. 2013. No. 1 (9). P. 77–82 (in Russ.).

10. Pazderova V.Yu. Know-how as an object of accounting / Bulletin of the Adygea State University. 2011. No. 4. P. 4 (in Russ.).
11. Lyapina S.Yu. Organization and practice of innovative detail, Legal and economic aspects of commercialization of the results of scientific and technical activities of universities when creating MIP/ Global Energy. 2013. P. 177 (in Russ.).
12. Kozhitov L.V., Raikova T.V. Intellectual property protection is the basis for commercialization of the results of scientific and technical activities / Innovations. 2011. No. 11. P. 10–17 (in Russ.).
13. Nesterova N.V. Dissertation of the Candidate of Legal Sciences on the topic: Features of the legal regime of know-how on the example of Russian, foreign and international experience / Moscow. 2018. P. 56 (in Russ.).
14. Volkov A.T., Gureev P.M., Dunenkova E.N., Onishchenko S.I. Fundamentals of technology commercialization / Textbook. Moscow: *RUSAINS Publ.*. 2021. P. 11 (in Russ.).
15. Klementyev G.A., Okorokov V.R., Timofeeva A.A. Organization management in a changing world: monograph / Edited by V. R. Okorokov, Yu. A. Sokolov. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University. The Institute. 2012. 362 p. (in Russ.).
16. Belotserkovsky A.V., Kaplunov I.A., Kozhitov L.V., Liev R.A., Popkova A.V., Creation and activity of small innovative enterprises under 217-FZ. *Innovations*. 2017. No. 12 (230). P. 18 (in Russ.).

Статья поступила 15.09.2023, принята к публикации: 27.09.2023.

© Ливитский С.В., 2023